REPORTED SPEECH

EDITED BY
Anastasiya Osipova

TRANSLATORS
Thomas Campbell
Cement Collective
Jason Cieply
Ian Dreiblatt
Ronald Meyer
Ainsley Morse
Ingrid Nordgaard
Anastasiya Osipova
Lia Na'ama Ten Brink

Reported Speech, 1st edition
© 2018 by Cicada Press
New York, NY
cicada@cicadapress.net

Certain poems originally appeared in *Things That Won't Fit Inside Your Head* (St. Petersburg: AnnaNova, 2005), *Colorless Green Ideas Sleep Furiously* (St. Petersburg and Moscow: Kraft, 2011), or *Spasm of Accommodation* (Berkeley: Commune Editions, 2017).

Published under the license Creative Commons Attribution Non-Commercial 3.0 Unported. Material may be copied, redistributed, or adapted in any medium or format for non-commerical use with appropriate accreditation and a link to the license. The full language of the license may be found at https://creativecommons.org/licenses/by-nc/3.0/legalcode.

ISBN 978-0-9910420-4-3
Printed in the United States of America
Cover image by Gleb Simonov
Layout by Andrea Long Chu

With special thanks to Matvei Yankelevich

REPORTED SPEECH

Pavel Arseniev

NEW YORK, CICADA PRESS
2018

FOREWORD 6
by Kevin M. F. Platt

1. COLORLESS GREEN IDEAS SLEEP FURIOUSLY 12
(2008–2012)

2. OFF-TOPIC 52
(2012)

3. INCIDENTS IN POLITICAL LIFE AND DREAMS 68
(2013)

4. POEMS FOR THE ROAD 100
(2014–2015)

5. READYWRITTEN 142
(2015)

6. POEMS ON THE HISTORY OF LITERATURE 168
(2016–2017)

AFTERWORD 196
by Sergey Zavyalov

Foreword

PAVEL ARSENIEV'S INTERVENTION IN LYRIC

Pavel Arseniev just can't stop with his poetry. Nor with his politics. This leads to specific challenges in today's Russia. Russia is going through a lyric-poetry boom, and targets of political outrage are not lacking. But Russians generally don't view poetry as the go-to instrument for political expression these days. Despite a deep history of politically engaged writing in Russia, political poetry is often derided as neither good poetry nor effective politics. Or it is simply denounced as insincere—a damning accusation both for poetry and politics. Arseniev's career has been dedicated to upending such critiques, to reengaging with the legacies of politically acute Russian experimental writing—from the avant-garde of Vladimir Mayakovsky to the late Soviet underground of Vsevolod

Nekrasov and others—and to creating institutions and contexts around himself that enable other critical and aesthetic interventions in Russia's present political scene.

Arseniev came of age during the early 2000s, when experimental writing was still overshadowed by the winking ironies of post-Soviet and postmodern disengagement from the political, and when Russian society as a whole was mired in apathy toward its cancerous, corrupt concentrations of power and money. He is a key member of a constellation of writers who have rebelled against that literary and political scene, including Keti Chukhrov, Aleksandr Skidan, Dmitry Golynko, Kirill Medvedev, Dina Gatina, Roman Osminkin, and Galina Rymbu.

Each member of this group has adopted a distinct strategy for the repoliticization of Russian literature. Among Arseniev's most important contributions to this shared project has been his construction of novel cultural institutions, clearing a new space for political critique in Russian writing. In 2005, Arseniev founded the intellectual and literary journal Translit, and in 2011 added the *kraft series of literary and political books and pamphlets—publications that quickly claimed their place among Russia's most important outlets for alternative creative and critical writing, and for which Arseniev was recognized in 2012 with the Andrey Bely Prize, Russia's oldest and most prestigious nonstate literary award.

Similarly, beginning in 2008 Arseniev was instrumental in organizing the Street University in St. Petersburg, in response, in part, to the first enforced closure of the Euro-

pean University at St. Petersburg by fire inspectors. (EUSP is an independent and globally engaged institution that has attracted much negative attention from Russian state agencies—most recently when it was evicted from its campus and deprived of its license to operate for over a year in 2017-18.) These were free, open lectures dedicated to the dissemination of politically acute knowledge and practice. (Arseniev's own events have been devoted to topics including situationism and protest art.) Finally, Arseniev has brought literary work directly into political life by injecting poetry into street protest, as he accomplished most spectacularly with his punning slogan "Vy nas dazhe ne predstavliaete" (which means both "You don't even represent us" and "You can't even imagine us"). It became one of the most widely reproduced and disseminated battle cries of the mass-opposition demonstrations of 2011 and 2012.

Turning from the institutional to the poetic and compositional, here too Arseniev has been consistently oriented toward the imbrication of the poetic with the political. His main tools include the collection and collation of found speech, the study of art and language in their social conditions, and the use of situationist experiment. Arseniev's own innovations frequently engage with and build on past traditions of politically committed poetry. In the Russian context, these include avant-gardists like the Futurist Vladimir Mayakovsky, the Productivist "factographic" author Sergei Tretyakov, and late Soviet nonconformist authors like Vladimir Nekrasov and Andrey Monastyrsky. Arseniev's broader, global genealogy leads back to the situationists and

direct-action collectives of the 1960s, as well as to the conceptual poetry of the American L=A=N=G=U=A=G=E School poets such as Charles Bernstein and Lyn Hejinian, whose works entered the Russian scene thanks to the institution-building and work of St. Petersburg's most prominent experimental poet of the generation preceding Arseniev's, Arkadii Dragomoshchenko, who was one of Arseniev's most important mentors. Poems such as "Offline" and "You Rode Out to Work a Potato Farm" deal with the theme of generational debt and rebellion.

Arseniev's poetic practices recombine, transform, and extend these traditions of performative and politically active language. From 2008 to 2012, together with Osminkin and Gatina, Arseniev formed the Laboratory of Poetic Actionism, which inserted political/poetic texts into the St. Petersburg cityscape as graffiti, installed poetry as conceptual art on banners in public spaces, produced video poetry, and undertook other experiments in crossing the line between the textual and social. The texts derived from some of these actions are included in this volume, as indicated in the notes. In this work, Arseniev is focused both on present linguistic and social contexts and on historical language, both artistic and critical, as in "Translator's note," which reuses a philosophical text by Ludwig Wittgenstein by selective sampling and recombination.

Throughout this and his subsequent work, Arseniev's approach to the fundamental problematic of political poetry—the tediously repeated question of whether "true" art can concern itself with the mundane matter of politics—has

been to hit things straight on, by investigating the relationship between poetry's ostensibly exalted "autonomous" cultural position and its potential for radical interventions. Yet this direct approach demands a certain subtlety. At times, Arseniev's diction approaches the odic and the declamatory, but irony is also a key instrument in his arsenal, making for an unusually wry form of ode. And often enough, Arseniev trains his conceptualist inquiry on the position of art in the social itself, as with "Used Mayakovsky for Sale," which directs our attention to processes of the commodification of political engagements of the past—to the subjugation of avant-garde art and poetry, predicated on their aura of the political, to today's market.

Most crucially, Arseniev turns his investigations on the institutions and cultural myths that entrap contemporary poetry, showing how they also can be used to empower it. As the poems included in this collection demonstrate, Arseniev's main tool in overcoming the critical positions he refuses to accept (that politics in poetry is nothing more than a pose; that poetry is a poor tool for mobilization; that all political art is doomed to be co-opted) is to write poetry about them, internalizing critique and incorporating it into a dialogic meditation on its own overcoming. Consider, for instance, "Stay With Us, Little Boy, You'll Be Our Ph.D.," which stages the ethical quandary of a trajectory into a "soft" academic career, building on the literary capital of his work in Russia. Or take "Russia's Day," which turns the experience of the marginality of the poet's voice in Russian public spaces and political discourse into a meditation on those

very social structures. Here, Arseniev upends the critical suspension of lyric into the lyric suspension of the political.

In his rejection of the stances of subjective lyricist or postmodern ironist, Arseniev also sidesteps the role of the martyr poet who speaks truth to corrupt power. Instead, he adopts the anti-pathetic role of the discursive technician, placing all the tools of the poetic at the service of socially meaningful utterance, applying ironic critique not to deflate, but to inoculate political commitment. Each sphere of activity—from political activism, to publishing, to writing, back to activism via situationist intervention—intersects with one another, as Arseniev spins forward not only toward the politicization of poetry, but also the poeticization of the political.

Kevin M. F. Platt,
UNIVERSITY OF PENNSYLVANIA

БЕСЦВЕТНЫЕ ЗЕЛЕНЫЕ ИДЕИ ЯРОСТНО СПЯТ

2008–2012

COLORLESS GREEN IDEAS SLEEP FURIOUSLY

2008–2012

*** (l'influence)

> Если вы не вакцинированы от гриппа в этом сезоне, то и не стоит. Вакцины против нового вируса все равно еще нет.
>
> — Инструкция в плацкартном вагоне.

кавалергарда век:
если не вакцинированы
в этом сезоне,
то и не вякайте
не зарекайтесь

река все равно холодная
повторный заход в воду
легче на море
особенно если никто не видит
ничего такого
если на двоих — минус 20

мимо панибратства прошлого
снова пронесло
спасла защитная броня
скорого поезда

А в Белоруссии собрано 820 тонн черники высочайшего качества.
Но она будет отправлена в Польшу,
в Германию и в Исландию.

*** (l'influence)

> If you haven't been vaccinated this season, then don't bother. The vaccine against the new virus hasn't been invented yet anyway.
>
> — Instruction in the platzkart train car

cavalry's life-expectancy:
if you are not vaccinated
this season
then don't make a fuss
don't make promises

the river's cold anyway
entering the water a second time
is easier at sea
you see nothing special about it
especially
when the eyesight for the two of you
is negative 20

the sloppy comradery of the past
skirted once more
saved by the armor
of the express train

Meanwhile in Belarus, they've gathered 820 tons of high-quality blueberries. But they'll ship them to Poland, to Germany and Iceland.

если не вакцинированы
в этом сезоне
то и не стоит
участвовать в акциях
доброй воли
оно само
воленс-неволенс

совесть нации
нужно иметь
в конце-то концов
ну и что, что анклав
можно всегда наладить связь
и найти отцов
сколько в воду не прячь

лицо сгорело
руки сделали

Сосед по поезду, идущему в Калининград,
читает газету «Криминальная хроника».
Раскрыта рубрика «Звезды и закон»

если вы не вакцинированы
в этом сезоне
то и не-вы
не вакцинированы

if you are not vaccinated
this season
then don't bother
participating in actions
of good will
it happens anyway
willy-nilly

a conscience of the nation
it's about time
you got some
so fine, there's an enclave
you can always forge a connection
and dig up some forefathers
even if the tracks have been covered

the face burnt up
but the hands got it done

A man sitting next to me on the train to Kaliningrad
is reading "Criminal Chronicles"
It's open to the "Stars and The Law" pages

if you are not vaccinated
this season
then the not-you
is also not vaccinated

можно избегать мест скопления
можно держать за руку
с целью недопущения
его произвольного самоперемещения
можно плюнуть на все
и полгода в подарок

будьте предельно вежливы
случаи участились

you can avoid crowded places
you can hold one's hand
with the purpose of preventing
its spontaneous self-relocation
you can throw it all away
and get half a year free

remain courteous
incidents have become more frequent

[AO]

Если вам что-нибудь известно о местонахождении...

Быть среднего телосложения,
иметь голубые глаза,
быть одетым в коричневое пальто,
в черный свитер (с воротом),
не иметь головного убора.

Уходить и не возвращаться.

If You Have Any Information About the Whereabouts of...

To be of medium build
to have blue eyes
to be dressed in a brown coat
in a black sweater (with a high collar)
to not wear a hat.

To leave and not return.

[AO]

1914–1922

Сокращение контингента,
голод, падение
роли денег,
открытие общежитий,
появление неожиданных форм
коллективной жизни.

Долгосрочный характер тенденции.

1914–1922

Layoffs,
hunger, the decline
of the importance of money,
the openings of dormitories,
the emergence of unexpected forms
of collective life.

This tendency shows signs of longevity.

[AO]

Продается Маяковский

Продается б/у Маяковский
на новой торговой площадке Рунета.

Рекламные ссылки.
Добавить.
Послать ссылку другу.
Найдутся все.
Неограниченный трафик.
Чем заняться в свободное время.
Картинки.
Еще.

Mayakovsky for Sale

A used Mayakovsky is for sale
on a new site on the Russian web.

Advertising links.
Add to cart.
E-mail this link to a friend.
Everything's searchable.
Unlimited traffic.
What to do in your free time.
Pictures.
More.

A video-poem of this text is available at
https://vimeo.com/16587369

[AM]

Много среднего

32 дюйма в диагонали:
революционная широта взглядов.

Mass Median

32-inch screen:
a revolutionary breadth of views.

[AM]

Поэма солидарности (она же разобщенности)

Мы помним, мы храним верность.
40 лет — как 40 дней.

Возвращайтесь в аудитории,
они защищены от пожара.
Из искры, нет, не возгорится —
приняты все меры,
более-менее искренне.

На всякий пожарный следовало бы
сигнализацию встроить и в тело.
Ведь пожар в одной голове
всегда может перекинуться на другую,
и тогда полыхнет весь город.
Для этого-то и нужны —
качественная изоляция индивидов,
система пожарной тревоги,
самый простой телефонный номер,
также, вероятно, призванный напоминать об
одиночестве
и невозможности солидарности.

Возвращайтесь в аудитории,
они защищены от шума и сырости.
Они просто созданы
для плодотворных исследований
шума и сырости.

A Poem of Solidarity and Alienation

We remember, we remain faithful.
Forty years like forty days.

Return to your classrooms.
They are fireproof.
No, a spark will not set them ablaze.
All measures have been taken,
More or less earnestly.

In case (of fire) we ought
To install alarms in your bodies as well.
For a fire in one head
Can always spread to another.
Then the whole town will go up in flames.

Hence the need for
The qualitative isolation of individuals,
A fire-alarm system,
A simple three-digit telephone number,
Probably also meant to remind us of our loneliness
And the impossibility of solidarity.

Return to your classrooms.
They are noise-proof and humidity-free.
They are made
For fruitful investigations
Of noise and humidity.

Где как не в аудиториях
можно составить изотермы и шкалы шумов?
Где как не в аудиториях
можно составить компетентное представление об
этих феноменах?

Возвращайтесь в аудитории,
они защищены от сумбура улицы —
бесподобной-архитектурой-модерн-фасадом,
Защищены от всей этой глупости и надсады —
от ежедневных убийств нацменов,
и от цен на нефть колебаний,
от брюзжаний бомжа,
и от дубинок режима,
от всего этого ‹централизованного постмодернизма›.

Только в аудиториях священное исследовательское
негодование
можно будет без утечки направить
на подробное описание всех нарушений и попраний.
Состроить немой упрек системе.
Не мой и ничей, ведь все мы,
в сущности, не так уж и негодуем,
возвышая свой голос лишь до немоты упрека,
занимая руки — экспертной фигой в кармане.

Where else but the classroom
Can we calculate isotherms and decibel scales?
Where else but the classroom
Can we reach competent conclusions about such things?

Return to your classrooms.
The splendid art deco façade
Proofs them against the confusion outside.
They are proof against stupidity and vexation.
The daily murders of ethnic minorities.
Fluctuations in the price of oil.
The grumbling of the homeless.
The regime's truncheons.
"Centralized postmodernism."

Only in the classroom can the researcher's righteous
indignation
Focus, without fear of brain drain, without fear of leaks,
On a thick description of all violations and abuses of
rights.
To send the system a silent reproach.
It is not my reproach, it is no one's reproach, for none of
us,
Basically, is all that indignant,
As we raise our voices merely to the muteness of reproach,
Keeping our hands busy with the overeducated fuck you
in our pockets.

Возвращайтесь в аудитории,
они защищены в том числе от подобного рода
провокаций.
В них всегда найдется мудрый модератор,
ответственное лицо,
чья широкая либеральная душа,
(и вы тоже его поймите) не сможет все ж простереться
до постановки вопроса о собственной легитимности.

Вы не хотите играть в подковерные игры,
но вы оставляете нетронутым сам ковер
и оставляете возможность вызвать вас на него.

Когда же вызовут, нечего сетовать —

Возвращайтесь в аудитории,
и вправду, не май-месяц.

Return to your classrooms.
They are also proof against such provocations.

In the classroom, you shall always find a wise moderator,
A responsible party
Whose generous liberal soul
(You have to understand him, too) would never go so far
as
To question its own legitimacy.

You don't want to join the fighting under the carpet.
But you leave the carpet itself intact
And the possibility you will be called on it.
When you are called, there will be no reason to complain.

Return to your classrooms:
This really is not the month of May.

The poem was first read in public at the Street University, in St. Petersburg, Russia, on March 23, 2008.

[TC]

Случай

Лазарев: Эй, Борников,
давай ловить преступникОв
Борников: Нет, к этому я еще не готов,
давай-ка лучше ловить Лоскутов

(Лазарев и Борников — капитан и лейтенант милиции,
сотрудники центра «Э» ГУВД по Новосибирской
области)

как-то раз
Артем Александрович
в неустановленное время
в неустановленном месте
умышленно
незаконно
без цели сбыта
для личного употребления
действуя умышленно
сознавая противоправный характер своих действий

приобрел

у неустановленного лица
за неустановленную сумму
полиэтиленовый пакет
с веществом
растительного происхождения

An Incident

Lazarev: Hey, Bornikov,
let's go catch some criminals
Bornikov: No, I'm not up for that,
let's catch Loskutov instead

(Lazarev and Bornikov are a police captain and a lieutenant,
employees of the Novosibirsk Region GUVD "E" center, the
"counter-extremist" division of the Russian State Department)

once
Artem Aleksandrovich
at an unidentified time
in an unidentified place
willfully
illegally
without intent to distribute
for personal use
acting willfully
conscious of the unlawful character of his actions

purchased

from an unidentified person
for an unidentified sum
a plastic bag
with a substance
of organic origin

зеленого цвета
являющимся наркотическим средством марихуана
общей массой сухого хрупкого вещества
одиннадцать целых ноль десятых грамма

что как раз является крупным размером

после чего
положив его в свою габаритную сумку
тем самым
незаконно
умышленно
без цели сбыта
бережно храня при себе
незаконно приобретенное наркотическое средство
Артем Александрович
стал
перемещаться
по территории Дзержинского района
города Новосибирска

green
identified as the narcotic drug marijuana
the total mass of the dry brittle substance
equaling 0.4 oz

which is in fact exceeds the permitted amount

after which
having placed it in his oversized bag
thus
illegally
willfully
without intent to distribute
tenderly safeguarding on his person
the illegally purchased narcotic drug
Artem Aleksandrovich
began
to traverse
the territory of the Dzerzhinksy neighborhood
of the city of Novosibirsk

[AO]

Примечания переводчика

> Связь между этими словами была, возможно, создана в другое время.
>
> Л. Витгенштейн

«В Королевском Колледже пожар».
Не говори чепухи.
Что является объектом твоего желания?
Я хочу, чтобы в эту комнату вошел мистер Смит.
Вы уверены, что это именно то, чего вы хотите?
Конечно, я должен знать, чего я хочу.
Не говори чепухи.
Я хочу, чтобы произошло то-то и то-то.

То, во что ты веришь, не является фактом.

Я чувствую страх.
Я боюсь чего-то, но не знаю чего.
Где бы ты ни был, ты должен добраться
откуда бы то ни было
к этому месту, из которого вышел.

Почему ты полагаешь,
что твоя зубная боль соотносится с фактом,
что ты держишься за щеку.

<...>

Translator's Note

> The connection between these words and King's College was, perhaps, made at another time.
>
> Ludwig Wittgenstein "Intentionality"

"King's College is on fire."
Don't blather.
What's the object of your desire?
I want Mr. Smith to come into the room.
Are you sure this is what you want?
I should know what I want, of course.
Don't blather.
I want this and that to happen.

What you believe is not fact.

I feel afraid.
I'm afraid of something, but I don't know what.
Wherever you are, you must get
from wherever you are
to the place you left.

Why do you think
your toothache has something to do with
your holding your cheek?

[…]

Безусловно,
существуют совершенно определенные действия
представлений того,
что другой ощущает боль.

Меня никогда не учили
соотносить глубину воды под землей
с ощущениями в моей руке,
но когда я чувствую определенное напряжение в ней,
слова «3 фута» сразу возникают
в моем сознании.

<...>

Ну, конечно, красное существует,
и вы должны это видеть,
если способны это представить.

Увеличение давления на мои глаза
продуцирует красные образы.

«В Королевском Колледже пожар».
Не говори чепухи.

Я хочу чтобы произошло то-то и то-то.

Without a doubt,
there are completely concrete
acts representing the fact
another feels pain.

I was never taught
to associate the depth of groundwater
with sensations in my hand,
but when I feel tension in it,
the words “three feet”
immediately come to mind.

[…]

Red exists, of course,
and you must see it
if you can imagine it.
Increasing pressure on my eyes
produces red images.

“King’s College is on fire.”
Don’t blather.

I want this and that to happen.

Каким странным механизмом в таком случае
должно быть наше желание,
если мы можем желать того,
что никогда не исполнится.

Конечно, это не всё,
но ты можешь построить более
сложные случаи, если хочешь.

Мы же должны
будем говорить ниже
о значении выражения
«забывание значения слова».

[Примечание переводчика:
Этого никогда так и не было
сделано.]

What a strange thing
our desire must be
if we can wish something
that shall never come true.

This is not the whole of it, of course.
You can construct more
complex cases, if you like.

Actually, we should
discuss, below,
the meaning of the phrase
“forgetting a word’s meaning.”

[Translator’s note:
It never happened, in fact.]

A video-poem of this text is available at
https://vimeo.com/68444979

[TC]

Экспертиза

На примере данного стихотворения
Мы снова увидим, как
Политические декларации,
Включенные в произведение искусства,
Распрямляют,
Упрощают
И выводят произведение
Из эстетического пространства,
Переводят его в некую иную плоскость.

Мы увидим, что автор
Будет пытаться
Выразить свои политические
Взгляды и убеждения,
Неумело маскируя их
Эстетической формой.
Объективные же качества последней,
По мнению многих экспертов,
Непременно окажутся
Значительно ниже,
Чем если бы он занимался своим делом
И просто писал стихи,
Ища свой стиль
И свое место в литературном процессе.

Если бы автор для начала
Несколько умерил свою спесь,

Forensic Examination

This poem is yet another specimen
Of how inserting
Political declarations
Into works of art
Flattens
And simplifies them,
Ejecting them
From the aesthetic realm,
And transferring them to another dimension.

We shall see the writer
Has attempted
To voice his political
Views and convictions,
Clumsily camouflaging them
In aesthetic window dressing.
Its objective qualities,
According to many experts,
Are surely
Much poorer
Than if he had minded his own business
And simply written poems,
Looking for his own style
And his own place on the literary scene.

To begin with, if the writer had
Toned down his arrogance a bit,

Почитал классиков,
Поучился бы на филологическом факультете,
Где, безусловно, умеют прививать к ним любовь,
Осознал бы всю несовместимость
Политики и искусства,
И только потом уже
Попробовал бы
Сочинить что-то свое,
Желательно в подражательном духе,
Тогда мы бы еще могли
Говорить здесь о поэзии.
Но в данном случае мы не можем
Позволить себе
Говорить о поэзии.

Мы увидим также, что автору
Придется признать
Прямо в тексте стихотворения
Всю несостоятельность собственных претензий,
Однако также мы сможем проследить и то,
Как он непременно попробует
Как-нибудь выкрутиться,
Прибегая к таким чуждым
Русской поэзии явлениям,
Как концептуализм,
Постмодернизм и др.

Read the classic works,
Studied in a comp lit department,
Where, of course, the love for such works is instilled,
He would have realized
Art and politics are incompatible,
And only then
Would have tried
To write something of his own,
Preferably in an imitative vein,
We might have been able
To speak of poetry in this case.
In this case, however, we cannot
Permit ourselves
To speak of poetry.

We shall see as well the writer
Had to admit
Right in the poem itself
The bankruptcy of his own claims.
However, we shall also be able to trace
How he certainly tried
To get away with it,
Resorting to such things
Alien to Russian poetry
As conceptualism,
Postmodernism, etc.

Кроме того, мы увидим, что автор
В данном стихотворении
Кощунственным образом попирает
Основы русского силлабо-тонического стиха,
Заложенные такими великими людьми,
Как Ломоносов, Державин, Жуковский
И, конечно же, Пушкин,
Из чего мы сможем сделать вывод,
Что автор наверняка не может похвастаться
Истинно патриотическим отношением
К великой двухсотлетней
Русской культуре.

Принимая во внимание все вышесказанное,
А также то, что автор
Прибегал к использованию
Запрещенной символики,
Разжиганию ненависти по отношению
К социальной группе «власть»,
И, наконец, был замечен
На собраниях отдельных леворадикальных групп,
Мы можем заключить, что его
Жалкие эстетические отправления
Действительно содержат экстремистский компонент,
А сам он может быть осужден
По статье 280 Уголовного кодекса
Российской Федерации «Публичные
Призывы к осуществлению
экстремистской деятельности,

In addition, we shall see the writer
Blasphemously trampled on
The foundations of Russian syllabotonic verse,
As laid down by such great men
As Lomonosov, Derzhavin, Zhukovsky,
And Pushkin, of course,
In the poem,
From which we can conclude
The writer definitely cannot boast
Of a truly patriotic attitude
Toward Russia's magnificent two-hundred-year-old
Culture.

Considering all of the above,
And the fact the writer
Resorted to using
Banned symbols,
Inciting hatred towards
the social group also known as "the regime,"
And, finally, has been spotted
At rallies of leftist radical groups,
We can conclude his
Pitiful aesthetic exercises
Do indeed contain extremist content,
And he can be convicted
Under Article 280
Of the Russian Federal Criminal Code,
"Public calls to
Extremist activities,

совершенные с использованием средств
массовой информации».

Committed with the use
Of mass media.”

[TC]

ОФФТОП

2012

OFF-TOPIC

2012

*** (В ту неделю все как-то внезапно стало оффтопом)

Когда митинг становится похож на ожившую ленту Facebook

В ту неделю все как-то внезапно стало оффтопом:
поэты не могли больше радостно сообщать о своих творческих вечерах,
художники стеснялись анонсировать открытие выставок,
которые назывались бы, например, «Музей революции»,
и даже торговцам было неудобно зазывать на улицах всех в свои магазины,
когда на них там были тысячи.
Все, кто требовал к себе внимания, вынуждены были оправдываться.
Потому что все внимание было приковано только к одному.

Так-то многие из них активно обращались к революционной тематике и символике.
Использовали усталость людей от дней недели.
(Многие и сейчас попробовали завести свою обычную песню).
Но тут что-то опередило их, их оставила не у дел какая-то совершенно новая музыка.
Обычно это говорит очень многое о вашем

*** (That Week Everything Somehow Suddenly Became Off-Topic)

When a protest begins to resemble a Facebook feed come to life

That week everything somehow suddenly became off-topic:
poets could no longer cheerfully inform the public about their readings,
artists were ashamed to announce their openings,
with titles like, for example, “Museum of the Revolution,”
and even retailers were somehow uncomfortable urging everyone into their stores,
when there were thousands of people on the street.
Everyone who demanded attention was forced to justify themselves,
Because all attention was fixed on one thing.

Before, everyone readily appealed to revolutionary themes and symbols.
They used people’s weekday weariness.
(Even now, many tried to sing their usual song.)
But something overpowered them, some completely new music left them at a loss.
Usually it tells you a lot about your day-to-day activities,
when, at such a moment of mass elation, you find it

повседневном занятии –
когда в момент всеобщего подъема вы затруднены в движениях
и не можете «спокойно продолжать заниматься своим обычным делом».

difficult to move,
and you cannot “calmly continue going about business as usual.”

[JC]

Оффлайн

А.Т.Д.

Машины передают
Поэт умирает
Время идет

Несколько изображений, обозначающих реальных
людей,
многие из которых тоже считаются поэтами,
начинают мелькать репликами с поспешными
соболезнованиями.
Их слова натянуты, неуместны, наконец, лживы.

Их слова,
Передаваемые машинами
После смерти поэта.

Внезапно этот поток нулей и их визави
Обращается вспять,
и выясняется, что это еще не конец,
что у поэзии с небытием
давние счеты и несписанные долги,
в счет которых возможно и было допущено подобное воз-
вращение.

Offline

to A.T.D.

The machines are transmitting
The poet is dying
Time is passing

Several images depicting real people,
several of whom are also considered poets,
start to flicker with messages conveying hurried
condolences.
Their words are strained, inappropriate, and, in the end,
false.

Their words
Transmitted by machines
After the death of the poet.

Suddenly this torrent of zeroes and their corresponding
ones,
reverses course
and it turns out that it's not yet the end
that between poetry and oblivion
there remain unsettled scores and unpaid debts,
on account of which, perhaps, such a return was made.

Выясняется, что машинам здесь остается нервно
курить в ожидании,
что они вообще не знают как себя вести «в такой
ситуации»,
что они могут только топить в потоке слова,
пока те не сгустятся до состоянья поэзии,
то есть смерти
коммуникации,
что уже не удастся перевести в фоновый режим,
в режим уже имевшего место оповещения,
отключить эту опцию,
настроить интерфейс поудобнее.

Только ради этого уже стоило выкинуть такой трюк
на прощание.

В конце концов это просто-напросто старомодно,
скажет самый наглый из неразлогинившихся поэтов,
смерть старомодна, поэзия будущего будет состоять
из единиц и нулей.
Она уже из них состоит.
Старомодно присутствовать у одра, полностью быть в
одном месте.
Ведь в это время можно делать столько интересных
вещей
с машиной самого языка.

It turns out that the machines will be left to smoke ner-
vously in anticipation,
that they don't at all know how to behave "in such a
situation,"
that they can only drown their words in the torrent,
until the words congeal into the state of poetry, that is,
into the death
of communication,
that it won't be possible to turn on
the background mode,
to mark it as read,
to turn off this option,
to configure the interface to be more convenient.

For this alone it was worth pulling such a stunt
in farewell.

When all's said and done, it's just plain old-fashioned,
the most impudent of the perpetually logged-in poets will
say,
death is old-fashioned, the poetry of the future will consist
of ones and zeroes.
It already consists of them.
It's old-fashioned to be present at the death bed, to be
completely in one place,
After all, you could be doing so many interesting things
with the machine of language itself.

Эти слова,
передаваемые машинами,
к сожалению уже не будут иметь никакой связи.

Unfortunately, these words,
transmitted by machines,
will no longer have any connection.

[JC]

*** (**Сводки с полей**)

С конца 2005 Марина Литвинович
фактически прекратила быть политтехнологом
и начала заниматься правозащитной
и политической деятельностью.

Министр экономического развития
России Эльвира Набиуллина заплакала
во время экстренного совещания
у премьер-министра Владимира Путина.

На теракт в Домодедово
российский фондовый рынок ответил снижением.

В связи с продолжающимися работами по
модернизации
некоторые пользователи будут испытывать трудности
с загрузкой отдельных страниц.

Также в Роспотребнадзоре выразили обеспокоенность
в связи с тем, что в последнее время
в интернете все чаще создаются страницы,
на которых размещается неоднозначная информация,
которую трудно интерпретировать.

*** (**Reports from the Field**)

Since the end of 2005 Marina Litvinovich
essentially ceased being a political strategist
and took up human rights
and political activities.

The Minister of Economic Development
of Russia, Elvira Nabiullina, broke out in tears
during the emergency meeting
with Prime Minister Vladimir Putin.

The Russian stock market
plummeted in response to the terrorist act
at the Domodedovo airport.

Due to ongoing upgrades
some users will experience difficulties
loading certain sites.

Also, the Russian Bureau of Consumer Protection has
expressed concern
over the recent rise of websites
containing ambiguous information,
which is difficult to interpet.

[JC]

*** (**Дорогие деятели культуры и медиа**)

Дорогие деятели
культуры и медиа,
будьте покойны —

«Эта баррикада рассматривается здесь как
культурный
и художественный феномен»

Все равно больше нет ни народных масс,
ни родного ЦК
(КПСС — как заботливо расшифровывает в скобках
портал *OpenSpace* для своей аудитории)

Только совестью пахнет еще немного
в этом мире
тапок,
сантехники
и обоев.

*** (**Dear cultural and media workers**)

Dear cultural
and media workers,
rest assured—

“This barricade is regarded here as a cultural
and artistic phenomenon”

After all, there are no more popular masses
and no more Central Committee
(of the CPSU, as the internet portal *OpenSpace*
obligingly deciphers to its readers)

Yet, the scent of conscience lingers still
in this world
of slippers,
plumbing,
and wallpaper.

[JC]

СЛУЧАИ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
И СНОВ

2013

INCIDENTS FROM POLITICAL LIFE
AND DREAMS

2013

Гагарин и мы

Государство приходит
по трубам каждый день
в каждый дом.

Президент это
уже давно одобрил,
Патриарх тоже
не будь дурак
благословил,
и теперь туда,
куда не доходило прежде,

Гагарин приходит
за кровью советских младенцев,
широко улыбаясь,
протягивает штифт.

Тем, кто успели спрятаться
и выпрыгнули в окно
и дозвонились
до спасательной службы
отвечает ласковый голос
Юрия Алексеевича
объясняя подробности
процедуры мирной сдачи властям

Gagarin and Us

Every day,
the state enters each house
through the plumbing.

The President
approved this a long time ago,
the Patriarch, also
nobody's fool,
blessed it,
and now,
where it couldn't reach before,

Gagarin arrives
for the blood of Soviet babies,
and with a broad smile
offers a shunt.

To those who had time to hide
and jumped out the window
and managed to call
emergency services,
the tender voice
of Yuri Alekseevich answers
explaining the details
of the procedure for peaceful surrender
to the authorities

и последующей отправки
в летний трудовой
оздоровительный лагерь «Фаталист»
на 2 смены.

and subsequent departure
for the Fatalist,
a summer sanative labor camp
for 2 sessions.

[AO]

Об одном необычном превращении в негодяя

Однажды К. проснулся и понял, что у него чистые
руки,
хотя он помнил, что никаких специальных усилий к
тому вчера не предпринимал.
В течении дня он почти больше не вспоминал этого
странного происшествия
и вечером даже совсем забыл о нем.
На другой день К. с нарастающей тревогой обнаружил
у себя холодную голову,
еще пытаясь объяснить это все как-то рационально,
но холодная голова уже не очень то к этому
располагала.
Кроме того и тенденция-то была слишком очевидной.
На третий день с трудом отгоняемыми догадками
он все-таки обнаружил у себя пламенное сердце,
после чего все окончательно понял,
посмотрел на себя в последний раз в зеркало, которое
уже могло мало чем помочь,
оделся,
собрался
и начал служить негодяям.

On an Unusual Transformation into a Scoundrel

Once K. woke up and realized that his hands were clean
although he didn't remember making any particular effort
in that regard yesterday.
During the day, he barely recalled this strange event
and by evening he completely forgot about it.
The next day K., with increasing alarm, discovered that he
had a cool head,
still trying to find a rational explanation,
but his cool head wasn't particularly disposed to this.
Moreover, the general trend was all too clear:
on the third day, barely chasing away his suspicions,
he nevertheless discovered a flaming heart inside,
then he has finally understood everything,
he looked at himself one last time in the mirror, which was
of little help now,
got dressed,
gathered his things,
shaved,
and went to work for scoundrels.

[Edited by AO]

Ги Дебор в Краснодаре

К 2012 году Ги Дебор поселился в Краснодаре,
завел фейсбук аккаунт под своим именем
(впрочем, через какое-то время службы социальной
сети
заставят сменить его, совпадающее с историческим),
занимается организацией кино-показов и
литературных вечеров,
согласовывает наличие проектора и общается с
журналистами
провинциальных молодежных сайтов.

Встречая на автовокзале,
он отводит нас на вписку,
которая оказывается настоящим пентхаусом
(слишком современным
и дорогим даже для Питера),
что принадлежит его другу, сыну
местного недвижимостного магната,
22-летнему гею без определенного рода занятий
— такие раньше становились героями (и любовниками)
дворянской литературы.

Мы принимаемся за приготовление
(исключительно здоровой) пищи,
разговоры и электронную почту.
Воспользовавшись благами медиа-цивилизации
и молекулярной кухни, поспорив о сюрреализме

Guy Debord in Krasnodar

By 2012 Guy Debord had settled in Krasnodar,
opened a Facebook account under his name
(eventually, social network moderators
would make him change it),
and started organizing film screenings and literary
readings.
He's the one to make sure that there is a projector at every
event space
and to communicate with journalists from hip provincial
websites.

After meeting us at the bus station,
he takes us to our crash pad,
which turns out to be a real penthouse
(excessive in its modernity
and fanciness even by St. Petersburg standards).
The place belongs to his friend,
a son of a local real estate mogul—
a 22-year-old gay man with no particular occupation—
people like him used to become the heroes (and the
lovers) of aristocratic literature.

We turn to the preparation of
(exclusively healthy) food,
talking and checking email.
Having partaken of the benefits of media civilization and
molecular cuisine,

и современной поэзии (хозяин пентхауса решается
почитать и свои вещи),
мы обращаемся к практике дрейфа.

Для верности Ги-Денис предлагает
взять с собой огромную картину,
что позволяет нам изучить спрос на современное
искусство
и попутно его определение
у случайных прохожих.
Разумеется, мы заходим во все попадающиеся по пути
кабаки
и регулярно встречаем на улице знакомых наших
спутников
для минутной беседы.

Под вечер заходим на бывшую типографию,
ставшую теперь штабом местных художников из
группы,
название которой совпадает с заводским.
И это в очередной раз заставляет Рому заговорить
о необходимости своей мастерской
с полупубличным статусом.

having discussed surrealism
and contemporary poetry
(the owner of the penthouse resolves to read his own
work),
we are now turning to the practice of Dérive.

Guy-Denis suggests that, just in case,
we take with us an enormous painting.
This would allow us to study the demand for contempo-
rary art
among random passersby on the street
and, simultaneously, to learn their definitions of it.
Naturally, we stop in all the bars that we pass along the
way,
and make quick small talk with our hosts' acquaintances,
whom we frequently run into.

Toward evening, we stop into a former printshop,
now home to a local arts group,
which kept the name of the factory.
And finally this propels Roma to expound
on the necessity of having a
semi-public studio space of our own.

[AO]

День России

«на территории марсового поля в присутствии граждан
читал стихотворение с грубыми несдержанными выражениями,
чем выразил явное неуважение к обществу и общественной морали, нарушил общественный порядок. на замечания сотрудника полиции не реагировал»
(из протокола об административном правонарушении №016170 от 12.10.13)

в тот день я решил все-таки заехать на митинг,
хотя велосипед так и не удалось починить,
на марсовом поле собралась типичная политическая тусовка:
немногочисленные фрики, ратующие за отделение ленобласти от россии,
еще какие-то психоделические флаги —
было видно, что протест выдыхается:
люди уставали и одновременно
начинали опасаться ходить на митинги.
меня попросили прочитать стихотворение
в поддержку узников 6 мая,
я решил прочитать одно стихотворение
эдика лукоянова, которое мы недавно издали в крафте,
посвященное тому, как героические сюжеты

Russia Day

“on the territory of the Field of Mars, in the presence of other citizens,
he read a poem with vulgar, immoderate expressions, which expressed a clear disrespect for society and public decency,
he violated the public order. He did not heed the police officer’s warnings.”
(From the record of the administrative infraction of law No. 016170, dated 12 June 2013)

that day i decided to drop in on the protest after all,
even though i hadn’t managed to fix my bike,
it was the usual political gathering on the field of mars:
a few freaks fighting for the separation of leningrad province from russia,
and some psychedelic flags—
it was clear that the protest was getting a bit flat:
people had grown weary and at the same time
become afraid to attend protests.
they asked me to read a poem
in support of the prisoners of the sixth of may,
i decided to read a poem
by edik lukoyanov, which we had recently published in kraft,
about how heroic subjects

превращаются в реакционные символы,
и еще несколько других
(ненавижу читать публично свои стихи).
после этого, когда ваня овсянников
забирал у меня мегафон,
он успел шепнуть мне, что «власти недовольны
прочитанным
(и, нужно полагать, написанным),
и тебя могут повинтить»
я рассмеялся этой старомодной опасности,
в уме пронеслось словосочетание
«третье отделение» и другие
ностальгические фантазии на тему «поэт и власть»,
и тут ко мне действительно подошли
двое представительных
и, разумеется, не представившихся мужчин в форме
и предложили пройти с ними.
по тому, как они приглушенно говорили,
было понятно, что им неуютно
участвовать в этом спектакле.
когда меня сажали в машину
от скандируемых лозунгов
о неподсудности мысли и все такое —
мне тоже стало неловко.
по дороге мы дружелюбно обсуждали с сотрудниками
то,
может ли поэтическое произведение содержать
бранные выражения,
с каких лет детям допускается слышать последние

transform into reactionary symbols,
and a few other poems
(i hate reading my own poems in public).
later, when vanya ovsyannikov
took the megaphone from me,
he managed to whisper that the “authorities were dis-
pleased with what had been read
(and, one must suppose, with what had been written),
and they might lock you up”
i burst out laughing at this old-fashioned threat,
i mused on the phrase
“third department” and other
nostalgic fantasies on the theme of “the poet and the
regime,”
when indeed i was approached
by two presentable men in uniform,
who, it goes without saying, did not bother to present
themselves to me,
suggested that i accompany them.
the fact that they spoke in muffled tones
made it clear that they were uneasy
taking part in this drama.
As i was led to the car,
the slogans being chanted
about the sovereignty of thought and all that
made me uneasy as well.
on the way the officers and i chatted amiably
about whether a work of poetry can contain vulgar
expressions

(«там же были дети!»),
является ли публичным только митинг или и та
ситуация,
когда меня везли в отделение,
а сотрудники щедро пользовались
нецензурной бранью.
они также спрашивали, кто же такое печатает
и каковы тиражи у этих изданий.
еще меня попросили дать почитать книжку,
а пробежав соответствующее стихотворение,
улыбались,
и явно были разочарованы: они понимали, что
десять служивых мужиков едут по жаре в пыльном
автобусе
из-за какой-то непонятной им причины, которая
сильнее их,
и они не могут ничего с этим поделать.
и речь не о силе слов.

по приезде в отделение я узнал еще больше
о своей стране в день ее независимости.
кадровый состав в основном состоял
из скучающих мужчин и женщин,
у большинства из которых
роль мелодии звонка выполняла песня группы
«любэ».
коллектив был поистине многонациональным,
как народ страны, покой которого они охраняли:
узбеки, славяне, тувинцы, армяне,

and at what age children should be allowed to hear them
("there were children present!"),
whether only the protest was public or this situation
in which I was being taken to the precinct as well
while the officers generously cursed away.
they also asked who the hell was printing this stuff
and about the print runs of these publications.
they asked me to let them read the book,
and after leafing through to the poem in question, they
smiled,
and were clearly disappointed: they understood that
here were ten civil servants riding along in the heat in a
dusty bus
for some incomprehensible reason, mightier than they,
and they couldn't do a thing about it.
and i don't mean the power of language.

after arriving at the precinct i learned even more
about my country on its independence day.
the rank-and-file overwhelmingly consisted
of bored men and women,
the majority of whom
had a "lyube" song as their ringtone.
the staff was indeed international,
like the people of the country, whose peace they were
guarding:
uzbeks, slavs, tuvans, armenians,

одинаково расслабленно расхаживали в серой форме
с какими-то бумажками,
и было видно, что никому не хотелось ничего делать.
во всем царила беззаботная усталость и
предпраздничная атмосфера.
в углу был прикован человек
руками к двери, перемежавший
угрозы повесить дежурного на осине
(«ты видно, забыл, падла, некоторые годы нашей
истории»)
с мольбами принести воды.
из камеры выпустили модного молодого человека,
колобродившего вчера на скутере и больше всего,
по-моему,
раздосадованного разбитым айфоном
(мне пришлось дать ему свой телефон,
когда он хотел сообщить кому-то,
что с ним все в порядке).
вскоре несколько рослых мужчин привели
невысокую осторожно улыбающуюся женщину,
торговавшую виноградом,
принесли и поставили на пол и сам виноград.
(«миша, я что слепой, блядь, тут нет слова виноград в
протоколе»).
привели и каких-то малолеток за распитие
легкого алкоголя на детской площадке
(задержавший их с ними же, перепуганными, и
заигрывал).

uniformly lethargic, strolling back and forth in their gray
uniforms
holding some papers,
and you could see that nobody wanted to do anything.
a carefree fatigue and preholiday atmosphere reigned over
all.
in the corner a man with his hands
chained to the door, alternated
threats to hang the duty officer from an aspen tree
("scum, you've evidently forgotten some years of our
history")
with entreaties to bring him some water.
they released from his cell a fashionable young man,
who had been making trouble on his scooter yesterday,
and it seemed
he was mostly annoyed by his iphone getting smashed
(i loaned him my cell,
when he wanted to inform somebody
that everything was all right).
soon afterwards several strapping men brought in
a short woman with a wary smile
for selling grapes,
they carried in the grapes too and placed them on the
floor.
("misha, you think I'm blind, you bastard, the word
'grapes' isn't in the booking statement.")
and they brought in some teenagers for drinking
beer on a children's playground
(the arresting officer flirted with them).

прикованный продолжал осыпать всех проклятиями
и умолять о том, чтобы его отвели в камеру
(сначала, не заметив, что он прикован наручниками, я
подумал,
что это довольно странное желание).
сотрудники продолжали орать друг на друга
и заниматься всем чем угодно,
только чтобы не оформлять протоколы.
в какой-то момент скучающий инспектор по делам
несовершеннолетних пожаловался своему коллеге,
что торчит здесь с 9 утра, а малолетнего
правонарушителя
так и не привезли.
тот ему посоветовал сходить за 0, 33, чтобы было
веселье,
проверка все равно в отделении не раньше восьми.
снова привели за распитие,
потом каких-то музыкантов за то, что они играли
музыку на улице,
и в общем картина того, что сегодня находится вне
закона,
вырисовывалась довольно отчетливо.

еще в отделении постоянно болтался ребенок,
какая-то пристав или майор решила привести сына на
работу,
чтобы не нанимать няню, и он все время ластился к
дежурному,
пока мамаша брала отпечатки пальцев.

the chained man continued to shower everyone with
curses
and begging to be taken to a cell
(at first, not knowing that he was in handcuffs, i thought
that this was a rather peculiar desire).
the officers continued to yell at one another
and busy themselves with anything they felt like,
as long as they weren't writing up the charges.
at a certain point the bored inspector for juvenile
affairs complained to his colleague
that he'd been sitting here since 9:00 a.m. but they still
hadn't brought in a juvenile offender.
the latter advised him to get a tallboy to cheer himself up,
after all, they wouldn't run a check before 8:00pm.
they brought some more in for drinking,
and later some musicians for playing on the street,
and in general, the picture of criminal life today was being
drawn quite clearly.

and there was a child constantly getting in the way in the
precinct,
some officer or major decided to bring her son to work
so she wouldn't have to hire a babysitter,
he was constantly fawning over the duty officer,
while mommy was taking fingerprints.

(«можно 24, пункт 5 — как ты любишь!»
«вы что там ебанулись? он же таджик!»
«и что?» — «ну в смысле без документов»)
пока мы ждали в суде,
сопровождающие меня девушка и молодой мент
рассказывали друг другу о том, как они провели
отпуск.
он говорил, что летал в таиланд в январе
и ходил там по ночным клубам («а хуле?»),
ей пришлось в ответ рассказать, что она предпочитает
шарм-эль-шейх,
потому что это то же самое солнце и вода, а лететь
ближе.
когда отпускные темы иссякли, она обратилась вдруг
ко мне
по имени-отчеству и спросила, почему я выбрал
именно это стихотворение. но это было скорее
из какой-то рудиментарной вежливости к мифам
литературы,
почерпнутым в школе, в которой девочки учатся
всегда лучше.
судья явно торопилась домой,
хотя некоторая литературоведческая дискуссия
все же состоялась, тем более что в качестве адвоката
мне достался
человек с серьезными гражданскими амбициями,
в результате чего литература вновь рисковала
стать предметом морального осуждения (и
оправдания),

("maybe article 24, point 5—your favorite!"
"what, are you out of your mind? he's a tajik!"
"what of it?" "i mean, well, undocumented").
while we were waiting in the courtroom,
the female officer and the young cop
attending to me
swapped stories about their vacations.
he said that he had flown to thailand in january
and had made the rounds of the night clubs ("why the
fuck not?")
she felt obliged to respond that she preferred sharm el
sheikh,
because it was the same sun and water, but not such a long
plane ride.
when they had exhausted the topic of vacations, she sud-
denly turned to me
and, addressing me formally, asked why i had
chosen precisely that poem. but this was likely more
out of some rudimentary courtesy for the myths of
literature
gleaned in school, where girls always do better than boys.
the judge was clearly in a hurry to go home,
although some literary discussion
nevertheless did take place, all the more so as the lawyer i
wound up with
was a man of serious civic ambition.
as a result, literature once again risked
becoming the subject of moral censure (and exoneration),

чего с ней не случалось уже давно.
но судье это быстро наскучило,
она была намного более современным человеком, чем мы.
наконец при выходе из здания дзержинского суда,
что на восстания, 38,
меня встретили ухмыляющиеся товарищи,
которые давно уже мечтали перестать переживать
по телефону и хотели просто отметить
сегодняшний день россии.

something that hadn't happened for quite some time.
the judge, however, quickly tired of this—
she was much more modern than we.
finally, after exiting the building of the dzerzhinsky court,
at 38 insurrection street,
i was greeted by my grinning comrades,
who had hoped their anxious phone conferences would soon end
and who simply wanted to celebrate
this day of russia.

[RM]

Моя малая Украиниада

война и революция укладываются в неделю
и длятся часами,
проведенными в фейсбуке

казаки, преодолев ограждение на территорию
аэропорта,
вышли на поле аэродрома

и стоят такие,
приветствуют европейскую интеграцию
и наступление постиндустриальной эпохи

выведенного из захваченного здания поэта
бьют ногами на сцене, установленной на площади
Свободы.

вводить не вводить
черт разберет
но внизу кажется что-то ущемлено

над зданием обладминистрации вывешен российский
флаг.
Олимпийское перемерие окончено

вводится ограниченный контингент регрессоров
с целью не допустить наступления будущего
в одной отдельно взятой

My Minor Ukrainiad

war and revolution fit into a week
and last for hours
spent on facebook

having stormed the security fence around the airport,
the cossacks entered the airfield

and they stand there, like,
greeting euro-integration
and the advent of the post-industrial epoch

a stage erected on Freedom Square
they are kicking a poet,
who's been led out of the occupied building

to enter or not to enter
devil only knows
but it seems that something is not right down there

a russian flag hangs over the regional administration.
the Olympic truce is broken

a limited contingency of regressors is introduced
with the goal of preventing the advent of future
in a single taken...

Таксономия

Поэты делятся на тех,
кто пишет,
потому что
у них в сердце
отверстие;
тех, кто
что-то такое читал
и решил поделиться;
тех, кто занимается филигранной и бессмысленной
выделкой орнамента
или созданием шифрованных
сообщений о том,
о чем просто так
им было бы стыдно поведать —
причем, как в силу заурядности
так и в силу маргинальности опыта;
на принадлежащих Императору
и набальзамированных;
на прирученных,
бродячих и
поэтов, включённых в эту классификацию;
на поэтов, бегающих как сумасшедшие
и бесчисленных других,
на многих-многих прочих,
прочих и бывших;

Taxonomy

Poets can be divided into those
who write
because they have a gaping hole
in their hearts;
those who've
read something or other
and decided to share;
those who are busy with filigree
and crafting meaningless ornamentation
or invent coded
messages about that
which is too shameful to say
straight—
and this, due to either the mediocrity
or the marginality of their experience;
those who belong to the Emperor
and the embalmed ones;
those who are tamed,
those who wander,
as well as the poets included in the present classification;
those who run madly,
and the countless others,
innumerable others,
the miscellaneous and the former ones;

стоит упомянуть, впрочем
и поэтов, разбивших цветочную вазу,
а также похожих издали на мух.

it's also worth mentioning
the poets who've broken the flower vase
and also those who from a distance resemble flies.

[AO]

СТИХИ В ДОРОГУ

2014–2015

POEMS FOR THE ROAD

2014–2015

Все, что касается дней недели

1.
В этом году никаких поцелуев,
в этом году только изучение языка,
новые пластиковые карты и постановка себя
в неловкое положение.

Мы можем с радостью констатировать:
сегодня господствует представление о свободе.

2.
Залить информацией
как деньгами.
Кажется, раньше
требовалось совсем немногое,
чтобы поверить
во что-то

Действие называется так,
что лучше от него отказаться.

3.
Все, что касается дней недели,
времен года, языков и деревьев — мужское.
Но тебя это не касается
Поскольку здесь почти всегда туман,
горы и озеро,
которые выдает окно,

Everything Involving The Days Of The Week

1.
This year no kisses,
this year only language courses,
new credit cards, and the assumption of awkward
positions.

We can happily ascertain:
today, the notion of freedom prevails.

2.
Inundate with information
as with money.
It seems that in the past
so little was needed
to believe in something

The act bears such a name
that it's better to refuse it.

3.
Everything that concerns the days of the week,
seasons of the year, languages and trees – all masculine.
But this does not concern you.
For here there's always fog,
in any case, the mountains and the lake
betrayed by the window,

все равно приходится скорее представлять,
чем наблюдать

4.
Книги, громоздящиеся как руины
перед лицом уносимого вперед,
но обращенного спиною,
беспорядочного ангела чтения.

Иногда помогает представить,
во что превратились
ваши бывшие одноклассники,
как выразился один русский художник.
Но и это совсем ненадолго.

5.
Другой мир возможен, —
убеждают нас активисты
и аналитические философы, —
при замене соответствующих импликатур
и упразднения класса буржуазии — соответственно.
Активисты, ничего не смыслящие в философии,
и аналитические философы,
заканчивающие свои трактаты
например в 1945 году.

must be imagined
more than observed

4.
The books tower like ruins
in front of the wayward angel of reading
as he's carried forward,
with his back to the reader.

Sometimes it helps to imagine
what became of
your former classmates,
as one Russian artist put it.
But even that doesn't last long.

5.
Another world is possible—
the activists assure us
as do analytical philosophers—
in the substitution of the corresponding implicatures
and the abolition of the bourgeois class respectively.
Activists, who don't understand anything in philosophy,
and analytical philosophers
who are completing their treatises,
let's say, in 1945.

6.
Потом
ты будешь обживать культурное пространство
и создавать собственный язык,
а вначале ты должен пройтись по головам
легкой поступью, в белом венчике,
например, переводить истории беженцев
для полиции — на понятный для нее язык,
т.е. выдавать их язык,
как и в случае всякого
перевода, — предавать.
Потом также из этого можно будет
смастерить целый художественный мир,
что дело тоже небесприбыльное.

6.
Later
you will get to inhabit a cultural space
and create your own language,
but first you must step over bodies
treading lightly, in a white wreath.
case in point: translating the stories of refugees
for the police into a language they understand,
i.e. to deliver their language,
and, as is in the case with any
translation—to betray it.
Then later from this you could
construct an entire artistic world,
though that too could be profitable.

[IN]

Вильдепари

*

а вас что больше раздражает:
то, что не в рифму,
или то, что про содом?
(А. Пылькину)

Вот так, в год принятия жестоких
антигомосексуальных законов
на родине, тогда называвшейся
Российская федерация,
встретились два русских мальчика
случайно в Париже,
но натуралы —
у общих знакомых,
еще не подвергшихся экстрадиции.
При прощании заметались
в замешательстве:
сколько раз нужно им целоваться
3 раза на швейцарский манер
или 2 — на остальной общеевропейский.
Дернулись пару раз
навстречу друг другу,
но так и не поцеловались
русские мальчики,
пожали друг другу руки,
сохранили так сказать
исконную идентичность.

Villedeparis

*

what is it that irritates you more:
that it doesn't rhyme,
or that it's about sodom?
(for A. Pylkin)

And so, in the same year when the cruel
anti-homosexual laws were passed
in the motherland, then called
the Russian Federation
two Russian boys met
by chance in Paris
— but they were straight —
at the home of some mutual friends,
who had not yet been subjected to extradition.
As they were parting they flitted about
in confusion
trying to decide how many times they should kiss
3 times in the Swiss manner
or 2, like the rest of Europe.
A couple jerky movements
toward each other,
but never actually kissed,
the Russian boys
shook hands,
preserving, so to speak,
their ancestral identity.

**

когда пришло время платить за вино,
все мгновенно протрезвели,
выключили свою французскую трансгрессию,
включили свой французский рационализм
и начали с невероятным тщанием
подсчитывать долю участия каждого
в пьяных безумствах

***

поверх одного города лежит другой,
новый и прекрасный

улицы разрезают другие улицы,
более старые и узкие

поверх одной истории существует другая,
более точная и новаторская

поверх одной жизни лежит другая жизнь,
более беспечная и талантливая

поверх одного человека лежит другой человек,
более современный и адаптированный

поверх одного праха лежит другой прах,
более позднего периода

**

when the time came to pay for the wine,
everyone sobered up,
turned off their French transgression,
turned on their French rationalism
and, with unbelievable diligence, began
to calculate each person's share
in the drunken madness

***

on top of one city lies another
new and beautiful

streets cut through other streets
older and more narrow

on top of one history exists another,
more exact, more innovative

on top of one life lies another life
more carefree and talented

on top of one person lies another person
more modern and well-adapted

on top of ashes lie other ashes, from a later period,
more recent

[JC]

Оставайся мальчик с нами, будешь нашим Ph.D.

заграничные стажировки
«мы не в изгнании, мы в аспирантуре»
возвращают на место, усаживают за парту,
возвращают имя по паспорту,
с неотвратимостью разоблачают
литературные псевдонимы,
вновь поселяют
в гетто высоких материй,
«ты отдыхаешь тем же,
чем ты работаешь»,
слова окавычены стилем
словно агенты — полем,
и только дни рождения
остаются, чтобы помнить себя

Stay With Us, Little Boy, You'll Be Our Ph.D.

residencies abroad
("we're not in exile, we're in grad school")
put you back in your place, sit you down at your desk,
restore to you your passport name,
inevitably unmask your literary personas,
once again, make you a dweller
in a ghetto of lofty abstractions
"your leisure is your work,
your work is your leisure,"
style traps your words
like agents in a field, in quotation,
and only birthdays remain
to remember yourself by.

[AO]

И снова туда же

1.
чтоб не сразу в кириллический омут
головой очертя быть утянут

единствен мост через дунай,
построенный советскими руками

и жаркая двоюродная близость
мне сербский слышать не велит

нам не выгулять спины никак
till why-not-situation won't come

2.
так странно видеть новые дома
на месте прежней пустоты

подходит больше все ж страна
к плохому настроению

превышено число тревог
будильник не поставить боле

а может быть просить еще
и эстетического убежища

And Back Once Again

1.
so as not be pulled in at breakneck speed
tracing the cyrillic abyss

the bridge alone across the danube,
built by soviet hands

a passionate cousinly intimacy
denies my hearing serbian

we cannot straighten our backs
"till why-not-situation won't come"

2.
it is so strange to see new houses
in place of former emptiness

the country really rather suits
the bad mood

the number of anxieties has been exceeded
alarm clocks can be set no more

and maybe one can also seek
aesthetic asylum

3.
похмельем сим удручена,
ты всем движениям верна

моя любимая кружка течет
пусть у собачки болит

а морализм — это когда понятно все
два через два и даже кажется удобно

мы шли так долго вдоль деревьев
казалось что они имени ленина

3.
and thusly by such hangover oppressed
to every movement she cleaves true

my favorite cup is leaking
allow the doggie to feel its ache

a moralism—when everything is clear
two over two, conveniently it seems

we trailed amid the trees so long
it seemed they bore the name of lenin

[AO]

Рижские двустишия

тема из звездных войн
для слепых на переходах

*

ежедневно проваливающие тест Тьюринга,
смски от оператора

*

вай-фай, пропадающий в поезде после латвийской
границы
как свет в подвалах чк

Rigan Couplets

star wars theme
for the blind crossing the street

*

the Turing test, failed daily
sms messages from the operator

*

wi-fi that disappears on the train after crossing the border,
just like the light in the Cheka basements

[AO]

Абхазские стихи о смерти

*

Смерть соприсутствует в днях недели,
Все время приходится кого-нибудь хоронить
или убивать:
Пару лет назад застрелил коня из-за сломаной
ноги.
В прошлом году топил щенят впервые в жизни,
потом еще закапывали все вместе.
Саму Шанти тоже пришлось пристрелить, она
таскала птицу у соседа и отучить ее не
удавалось, что еще делать?
Недавно был на похоронах соседа, дожившего
до седин и мести за то, что когда-то еще в ту
войну открыл огонь согласно инструкции.
Бабушка вот тоже скорее всего уже не встанет,
не удается контролировать как она принимает
лекарства, и в последние дни она здорово
увеличивала дозу.
Скоро еще вот буду быка забивать.
Здесь вообще хорошо.
Солнце, смерть и
Здоровый воздух.

Abkhazian Poems About Death

*

Death's presence in the days of the week:
One's always burying somebody,
or killing.
Two years ago, I shot a horse that broke its leg.
A year ago, I drowned puppies for the first time.
Later, we all had to dig them a grave.
Shanti too we had to shoot. The bitch
would steal the neighbor's birds and we couldn't stop her,
what can you do?
Recently, I went to a neighbor's funeral,
he lived long enough to see grey hairs and revenge for
having opened fire as instructed
back in the previous war.
Seems like grandma isn't long for this world either,
We can't control how many meds she's taking,
And lately she's been taking more.
I'll have to butcher the bull soon too.
In general it's nice here.
Sun, death, and
Healthy air.

* *

Женщины в возрасте ездят в столицу Республики в
основном хоронить.
Уже с утра со всех концов начинает стекаться команда
в черной форме,
чтобы к полудню уже можно было начинать
соревнования,
открывать Матч Ярославны, Кубок Дидоны.
По дороге они обсуждают последние новости клуба,
какие приобретения удалось совершить его
Президенту,
кого — переманить из конкурирующего состава,
сплетничают о звездах и новичках,
жеманно преуменьшают свои собственные
достижения
в этой игре.

Иногда они просят остановить маршрутку ненадолго
посреди поля,
чтобы оставить что-то у дороги,
но потом выходят с вещами.

* *

Older women travel to the capital of the Republic
mostly to bury their own.
Already since morning, their team dressed in black
gathers,
so that by noon the Cup of Dido, the Super Bowl of Yaro-
slavna can commence.
Along the way they discuss the latest news of the club:
which acquisitions has its President secured,
whom did he manage to entice from the competing team
they gossip about the stars and the rookies
coyly downplay their own accomplishments in this game.

Sometimes they ask the driver to stop the minibus in the
middle of the field
to leave something by the road,
but then they exit with their things.

[AO]

Poema Americanum

I. (East Coast)

Бегущая внимания строка
и первые впечатления легкой незаконности.
Основная часть неожиданности —
производная длительности перелета.
Америка, ты не кажешься очень-то людной
со своим непременным недопитым кофе со льдом.

На следующей станции
можно будет выкурить сигаретку —
предупреждают твои машинисты.
Это город знаменит ярмарками,
не тратьте все свои деньги сразу —
увещевают автобусные водители.

Уже узнаваемые, но еще замечаемые
повторяющиеся звуки и запахи,
особенности технического устройства
повседневности, намекают на немного другой
способ быть. Абсолютно кинематографический
гудок приближающегося поезда.

Америка, не вдохнуть тебя полной грудью,
да и возможно ли это? Приходится домышлять,
что ты это ты. Обоняние, доступное
только посредством усилия,

Poema Americanum

I. (East Coast)

The running newsfeed of attention
and the first impression of slight illegality
The major part of surprise
is a derivative of the duration of the flight
America, you don't seem too populated
with your usual unfinished iced coffees.

At the next station, it'll be possible
to have a smoke—
your train conductors warn you.
This town is famous for its sales,
don't spend all your money at once—
advise the bus drivers.

Already recognizable, but still noticeable:
repeated sounds and smells,
the specifics of technical design
of everyday life. They hint at a slightly different
way of being. The absolutely cinematographic
whistle of the approaching train.

America, is it possible not to breathe lungfuls of you? One
is left to imagine
that you are really you. A sense of smell, accessible
only through effort,

т. е. чувство, утратившее невинность,
ставшее мыслью.

Понимаешь устройство всего только в дороге,
когда связан по рукам и ногам,
распущен во взгляде. Как
экспериментальнось, позволяющая себе
ограничиваться только уровнем текста.

Добывающее ремесло неожиданности,
главные чаевые путешествия. Новые города
как новые языки, расширение казалось и так
готового лопнуть мира, распаление чувства
провинциальности, имплантация нового
масштаба тщеславия.

We were very tired, we were very merry
We had gone back and forth all night on the ferry —
приветствовали новый свет, чьи непосредственные
терминалы невзрачны, но чьи перспективы,
олицетворяемые небоскребами,
беспредельны.

И удивлением удивлен ты сделаешь
отменных кадров пару,
доступных только первому,
пусть и усталому смертельно
взгляду.

that is, it's a feeling that has lost its innocence,
having become a thought.

One understands the construction of everything only once
on the road,
when bound hand and foot,
but with a dissolute gaze. Like
experimentation that allows itself
to remain solely on the level of text.

Accidents, from which craft is mined,
are the main perks of the trip. New cities
and new languages—an expansion of the world
that, it seems, was already about to burst, exploding the
sense of provinciality, implanting
a new scale of vanity.

We were very tired, we were very merry
We had gone back and forth all night on the ferry—
We were greeting the new world, whose arrival
terminals are not much to look at, but the vistas
embodied by its skyscrapers
are limitless.

And surprised by your own surprise,
you'll take a couple of excellent photos,
legible only to your first, though deathly, tired gaze.

В подполье свет живет не как рассказ,
но как сигнал: один и ноль.
Ночь философии почата через
необходимость на ветру стоять,
и с непокрытою к тому же головой.

Обсуждение творчества Беньямина
во время прогулки в Центральном парке,
продолжается спором о де Серто
на Upper-west side, в общем
реальность заворачивается в саму себя,
язык отчужден грамматикой,
а возможность быть «просто хорошим поэтом» —
предыдущими поколениями,
действовавшими на автомате.

Обитатели Сохо, по-спартански терпят клопов,
чтобы не сбить на недвижимость цены;
странное место с бесплатной едой и выпивкой
и смутным анархистским прошлым,
хозяйкой Деметрой, вынашивающей пирожки,
встреча с вытесненным в самом сердце
бессердечного мира, сбой в программе изгнания.
«Чтобы не прозвучать слишком патриотически».

Как теряется мысль искусства
в богатых фондах, так же выходящему из лона
MoMA

In the basement light lives not as a story,
but as a signal: one and zero.
A night of philosophy commences
With having to stand in the wind,
and with an uncovered head to boot.

A discussion of Benjamin's work
during a walk though Central Park
extends into an argument about de Certeau
on the Upper West Side. In general,
reality is coiling into itself,
as language is alienated by grammar,
so too is the possibility of being "simply a good poet"
by the previous generations,
which have been running on autopilot.

Residents of Soho tolerate bedbugs with spartan patience
to save their real-estate prices from going down.
A strange place with free food and drink
and a murky anarchist past—
Demetra, its owner, is bringing out cookies—
An encounter with what has been suppressed in the very
heart of the heartless world,
a glitch in the program of exile.
"I don't mean to sound too patriotic."

Just as the thought of art is lost
in rich foundations, just as when stepping out of the womb
of MoMA into the world, into the city-museum of

и обученному неожиданностями,
город становится знАком / знакОм.
Задача всякого художника до революции
проста —
приближать ее, но вот что делать после, если
следующие поколения не воспользуются
созданной инфраструктурой конфликтной
социализации?

II. (West Coast)

*

в сан-франциско ты как бы всегда немножко под
кайфом
время и пространство валяются большими кусками
в таких случаях расправляются не только плечи, но
мысли
все немного дороже, но уже на порядок лучше
и как будто отсутствует чувство вины за светлое
будущее
зрительная метафора представления упрочает
дистанцию, голос —
признает способность воздействия
поэт, прочитавший статью о себе, превращается в
другое существо на закате
спонсор перехода к более демократичным
представлениям уже более месяца не указан

contemporary art,
the city, for someone trained in accidents, becomes a
familiar/sign
so too the task of every artist before the revolution is
simple—
to bring it closer. But what is one to do
if future generations have no use
for the established infrastructure of antagonistic
socialization?

II. (West Coast)

*

in san francisco you always feel as if a bit high
large chunks of time and space are strewn around
in situations like this, not only shoulders, but thoughts
begin to spread as well
everything is slightly more expensive, but significantly
better
and it is as if a sense of guilt for the bright future is absent
a visual metaphor of an idea reinforces distance, and your
voice
admits the possibility of influence
a poet who read an article about himself transforms into a
different creature at dusk
it's been over a month that the sponsor of the transition to
more democratic notions has not been listed

**

сан-франциско, невероятная сухость во рту
где-то нужно было обязательно поймать сеть

поразительно что еще где-то ходят доллары
эта валюта 90х

со временем ты будешь переставать быть тем,
знакомством с кем заручаются профессора
славистики, чтобы выглядеть радикальнее

настолько расслабленных людей я не видел еще нигде
некоторые способы письма требуют структурной
экранизации

и еще определители ценности драгоценностей у
станций метро
эту технику в 20е называли литература факта не так
ли

только здесь монголоиды так близко соприкасаются с
латинос
я просто зашел в прибрежное кафе и выпил пива

взгляд с таким чувством, словно вы поняли на
секунду как делается литература
в большом городе важно быть быстро потерянным из
виду

**

san francisco, your mouth is incredibly dry
and you must find a wi-fi network somewhere

it's amazing that dollars, this currency of the 90s,
are still circulating somewhere

in time you will stop being a person
whose acquaintance is sought out by the slavic studies
professors
wishing to appear more radical

I haven't seen so many relaxed people anywhere
some modes of writing require structural
screen-adaptation

and those jewelry appraisers by the metro stations
in the 20s this technique was called the literature of fact,
wasn't it

only here asians are so closely intermingled with latinos
i just walked into a cafe on the shore and had a beer

you have the expression as if, for a second, you understood
how literature is made
in a large city, it is important to get quickly lost and out of
sight

***

несоразмерность масштаба легенды и архитектуры
телеграф авеню
примерно одинаковые жесты письма во всех жанрах

щедрый читатель, помни:
дефицит честолюбия приводит к недостаточно
энергичным интерпретациям

быт деавтоматизирован похмельем и переездом
сборы перед выходом длятся часами

хороший способ лишить себя права на
филологический пассеизм
ездить на семинар на мотороллере

осколочное письмо
мы нашли землянику на кампусе гугла

все семинары сопровождаются заказом пиццы
студенты предсказумо теряют интерес к русской
поэзии

****

сан-франциско: праздник в законе
человек идущий навстречу останавливается,
поднимает найденную сигарету и закуривает
не отрываясь от экрана устройства

***

the incommensurability of scale between the legend and
the architecture of telegraph avenue
approximately identical writing gestures in all genres

generous reader, remember:
a deficit of ambition results in insufficiently vigorous
interpretations

everyday life has been de-automaticized by a move and a
hangover
it takes hours to pull yourself together before walking out
the door

a good way to deprive yourself of the right to philological
passeism—
is to ride to a seminar on a scooter

shards of writing
we found wild strawberries growing on the google campus

pizza is ordered at all seminars
students predictably lose interest in russian poetry

****

san francisco: the thug holiday
a man walking toward you stops,
picks up a cigarette from the ground and lights it up
without lifting his eyes from his device's screen

после того как норс бич подорожал,
битникам пришлось перебраться в хейт-эшбери,
сегодня мы последуем их путем, у нас там встреча
вечером

бабушка и дедушка побывали в свой медовый месяц в
hunger i,
советовали обязательно отправиться туда после
свадьбы.
когда мы там оказались там уже был стрип-бар,

когда мы поднялись на второй этаж ситилайтс,
поэтический вечер как раз закончился и было
немного душно:
общее впечатление от 60х

асфальт, который одинаково хорош как для того,
чтобы спать на нем,
так и для того, чтобы катить по нему на велосипеде

«да нет, здесь ничего не происходит»
внезапный русский на перекрестке

специальный вело-маршрут, сложившийся стихийно
и закрепленный социально,
позволяет не обращать внимания на синтаксис
светофорных сигналов,
но иногда штраф все же поджидает в засаде

after the rents have gone up in North Beach
the beatniks were forced to relocate to Haight-Ashbury,
today we will follow in their footsteps, as we have
a meeting there in the evening

on their honeymoon, grandma and grandpa visited the
hungry i
and suggested that we head there after our own wedding
but when we arrived, it was already occupied by a strip bar

when we walked up to the second floor of City Lights,
the poetry reading had just ended and the air was stuffy:
like a general impression of the 60s

the asphalt is equally well suited for sleeping on
and for riding your bicycle

“no, nothing happens here”
an unexpected russian on the intersection

a special bike route that formed spontaneously, but then
was socially institutionalized,
allows you to pay no attention to the syntax of the traffic
lights,
however, from time to time a fine could still be lying in
wait for you

очень ветреный день
девушка с постоянно потрясающим настроением

последний раз на этой кровати спал Сорокин
мы так нажрались, что было не выйти из дома

*****

скорость перемещения обратно пропорциональна
чувству пространства,
прямо — власти над ним

уменьшить и приласкать — то что мы все делаем со
своими (научными) объектами,
муж говорит жене: давай кури

со свободой всегда: или слишком дорога, или
чересчур эфемерна
у этого голоса вторым родным или очень ранним
вторым был португальский

комбинаторное просвещение, любой
нарратив завоевывает
не боготворить ни разрыв, ни библиотечную
картотеку, самое интересное их потомство

и она мне говорит «да хей это больше не дайверсити в
штатах».
когда-нибудь реклама перед видео будет занимать до
5 минут

a very windy day
a girl with a permanently astonishing mood

the last person to sleep on this bed was Sorokin
we got so shitfaced, we couldn't leave the house

*****

the speed of motion is in reverse proportion to the sense
of space
and in direct proportion to one's power over it

to give a pet name, to diminish and to caress – that's what
we are doing with our (scientific) objects
a husband says to his wife: go ahead and smoke

it's always like this with freedom: it's either too dear, or too
ephemeral
this voice's second native or very early second language
was portuguese

composite enlightenment,
every narrative conquers
not to worship either the rupture, or the library catalogue—
their posterity is what's most interesting

and she tells me "*da*, being gay no longer qualifies you for
american *dajversity*"
at some point in the future, ads before the videos will go
on for five minutes

чем больше поэт говорит о реальности, тем меньше
она ему нужна сама по себе.
есть те, кто это понимают и те, кто продолжает
о революции, надеясь на приближение

призрак 60-х бродит по америке,
русский поэт судится из-за юбок, пропавших из
багажа,
любая целостная картина - ложь

the more a poet talks about reality, the less he needs it
there are those who understand this and those who keep
going on about revolution,
hoping that it is drawing closer

the specter of the ’60s is haunting america,
the russian poet is suing somebody over the skirts which
disappeared from his luggage
every unified picture is a lie

[AO]

READYWRITTEN

2015

READYWRITTEN

2015

Отзыв на одну провокационную выставку современного критического искусства

оккупантская выставка
муссирующая неполноценность русских
и унижающая по национальным признакам
внедряющая русским что нас нет
что мы никто
что чурки оккупанты лучше русских
и что россия не принадлежит русским
и у русских не должно быть своей страны
все эти чурки как были чурками так и остались
от того что дутый джугашвили пушкин
кем то признается основателем литературного
русского языка
мне не жарко не холодно
мне это язык
нахер не нужен
ибо я чистокровно русский есть его носитель
и не нуждаюсь в никаких его вариантах искуственных
от каких то грязных троглодитов
ибо вообще этот пушкин
никакого права мой язык коверкать не имел
тем паче навязывать мне как на нем говорить
и вообще все эти дутые чурками знаменитости
заняли места действительно талантливых русских

In Response to a Provocative Exhibition of Contemporary Critical Art

an occupiers' exhibition
exaggerating the inferiority of Russians
and humiliating them on national grounds
impressing upon Russians that we don't exist
that we are nobody
that those black migrants are better than Russians
and that Russia doesn't belong to Russians
and that Russians shouldn't have their own country
all these dumb darkies were darkies before and will remain
that way
if that phony dzhugashvili pushkin
is recognized by somebody as the founder of Russian
literary language
I don't give a damn
I don't fucking need
that language
because I, a pure-blooded Russian, am a native speaker
already
and I don't need any artificial variants
created by some dirty troglodytes
because that pushkin
had no right to mangle my language anyway
much less tell me how to speak it
and in general all those phony celebrities so loved by the
dirty darkies
took the place of the truly talented Russians

имена которых чурбаны во власти всячески стирают
    или вообще давят
как например художника васильева
от их наличия или отсутствия русские не обеднеют
мы полноценная независимая нация
в никаких гнидах
дутых в гении
не нуждаемся
тем более искажающих и подавляющих нашу
    идентичность
и национальное самосознание
подобным лишь пытаются отнять россию у русских
ликвидировав нашу идентичность и субьектность
признав нас брендом несуществующей вещью
для использования паразитами иных наций
когда им удобно прикидывающихся полезными нам
    талантами
с какого хера я буду считать талантом пушкина
если эта падаль дутая жидами
всячески выставляется в качестве аргумента
моей национальной неполноценности и для стирания
    моей идентичности
какой еще талант, эта гнилая падаль
как и все эти коньктурные обезличенные лгуны,
врущие нам прямо в глаза
в нескольких словах сразу противоречивые факты
нам русским ничего не надо от всех этих извращенцев
раздувших свои перверзии в культы культуры

whose names those dumbasses in power try to erase and
    suppress as much as they can
like for example the artist vasilyev
their presence or absence won't make Russians any poorer
we're a full-fledged independent nation
we don't need
any of those scummy
phony geniuses
deforming and suppressing our identity
and national consciousness
they are trying to take Russia away from Russians
by destroying our identity and subjectivity
by declaring us a brand, some nonexistent thing
to be used by the foreign parasites
when it suits them to pretend to be talented and
    useful to us
why the fuck would I consider pushkin a talent
if that turd, promoted by the kikes
is presented as proof
of my national inferiority
to erase my identity
what talent? he's a rotten piece of shit
just like the rest of those mainstream liars
who tell lies straight to our faces
every other word containing contradictory facts
we Russians don't need anything from all those perverts
whose travesties swelled up into culture cults

русские только очистятся морально и вырастут
интелектуально
вернувшись в свое сознание
если вся эта русофобская паразитная мерзость будет
истреблена,
гной баласт и дерьмо россии

Russians will only achieve moral purity and intellectual
growth when
we return to our own mentality
when all these Russophobic parasitic abominations get
wiped out—
this pus ballast and shit of Russia

[CC]

Согласно конституции

президент является
президент ведет
президент вносит
президент возглавляет
президент вправе приостанавливать
президент избирается
президент издает
президент имеет право
президент может быть избран
президент может использовать
президент может передать
президент награждает
президент назначает
президент не может занимать
президент обеспечивает
президент обладает
президент обнародует
президент обращается
президент определяет
президент освобождает
президент осуществляет
президент отзывает
президент приносит
президент представляет
президент принимает
президент подписывает
президент присваивает

According to the Constitution

the president is
the president leads
the president introduces
the president chairs
the president has the right to suspend
the president is elected
the president publishes
the president shall have the right
the president may be elected
the president may employ
the president may refer
the president awards
the president appoints
the president may not hold
the president provides
the president has
the president promulgates
the president appeals
the president defines
the president exempts
the president exercises
the president recalls
the president brings
the president represents
the President accepts
the president signs
the president assigns

президент приступает
президент прекращает
президент распускает
президент решает
президент ставит
президент утверждает
президент формирует
президент вводит
президент
может быть

the president proceeds
the president stops
the president dissolves
the president decides
the president raises
the president approves
the president forms
the president introduces
the president
may be

[LNTB]

Слегка отредактированное

Я поэт и активист,
отчаянно напоминающий С. из кинофильма «Ш-Ш»:
«такой молодой и уже (или все равно?) старается».

Нужно быть, конечно, самым одиноким
или самым несчастным
критиком,
чтобы так критически относиться.

Тем более, что в нашем случае
речь вообще идет не о «художнике»,
а исключительно о молодом активисте,
гражданине, ну и конечно, поэте —
хотя в тексте к выставке нам и сообщают обратное.

Непонятно, неужели же действительно у меня есть
амбиции художника.
Худо не будет, конечно,
почему нет и кому какое дело,
если молодых художников действительно мало.

А я, чьи статьи пестрят словами «сейчас» и «сегодня»
в начале почти каждого абзаца,
скорее прагматично использую
любую возможность для заявления.
Жизненный путь Ноама Хомского, видимо, стал
ориентиром для меня.

Slightly Edited

I am a poet and an activist,
bearing an extreme resemblance to S. in the movie “Sh-Sh”:
“So young and already (or still?) trying.”

One must be, of course, the loneliest
or the most miserable
critic,
to respond so critically.

Especially since in our case,
it’s not the “artist” we are talking about
but specifically the young activist,
the citizen, and of course, the poet—
although the show’s press release tells a different story.

It’s unclear whether I really have artistic ambitions.
It wouldn’t be a bad thing, of course,
why not and who cares,
since after all there are so few young artists.

And I, whose articles are replete with words “now”
and “today”
at the beginning of almost every paragraph,
rather pragmaticly take
any chance to make a Statement.
The life of Noam Chomsky, clearly, has become
a reference point for me.

Мое искусство становится пространством для
масштабных инсталляций,
как правило, с прицелом на некую социально-
политическую злободневность.
Между белыми, неровно вырезанными мной из
пенопласта буквами
гуляют и фотографируются, это эффектно.
Стиль резьбы напоминает самый расхожий советский
шрифт,
а вот самое первое, самое крупное «ТО»,
встречающее зрителя на пороге, конечно, вызывает в
памяти
классические приемы Эрика Булатова.

Я молодой поэт-активист-гражданин,
и я спешу использовать любое воздушное
пространство
для языкового упражнения,
утверждая необходимость прямой связи
жизни и искусства,
и выбираю для выставки
невинные строки из творчества советского
диссидента,
к творчеству которого не питает нежности
разве что самый равнодушный и черствый ребенок.

My art is becoming a space for large-scale installations,
oriented, as a rule, toward a certain socio-political
topicality.
Between the white foam letters unevenly cut by me
people walk and take pictures; it's impressive.
The carving style resembles the most famous Soviet
font,
but the first line, the biggest "THAT"
greeting the audience at the entrance, brings to mind,
of course,
the classical techniques of Erik Bulatov.

I am a young poet-activist-citizen,
and I hasten to use any airspace
for language exercises,
asserting the need for a direct link
between life and art,
and I choose for my exhibition
innocent lines from the work of a Soviet dissident,
whose works would fail to inspire tenderness
in only the most indifferent and callous child.

"The machine of irony," surfacing in relation to my
poetic texts,
blurs the tracks of the Soviet past with its gigantomania.

«Машина иронии», всплывающая в отношении моих
поэтических текстов,
закругляет следы склонного к гигантомании
советского прошлого.
Здесь в крайне остроумной и ироничной форме
я декларирую свою виновность в том и этом.
Претенциозность вызывает улыбку,
вызывая сочувствие — одновременно к автору и к
самим себе.

Here, in a highly witty and ironic form,
I declare my guilt in this and that.
This kind of pretentiousness evokes a smile,
evoking compassion—for both the author and ourselves.

[CC]

Слова моих друзей

Слова Олега

с одной стороны, понятно,
я тогда был незрел,
а сейчас ну так,
и поэтому нужно уже определяться однозначно:
нужно быть маргиналом
все возможные бонусы, которые полагаются
интеллектуальной жизнью,
уже всеми нами попробованы —
не в полной мере, но уже так
на язык попробованы,
так вот время быть маргиналами
я уверен, да, маргиналами

My Friends' Words

Oleg's words

on the one hand it's clear
that we were unripe
but now we're so-so
which is why one should decide once and for all
one should be marginal
every possible bonus that can be expected
intellectual life
has already been sampled by all of us
not in full measure, but enough,
a taste of it
and so it's time to be marginal
i'm sure, yes, marginal

Слова Лизы

ты представляешь,
у нее просто до сих пор шея болит,
а она ходит к гадалке,
та ей сама говорит: «сходи
сделай скорей МРТ»,
а она ее спрашивает:
я талантливая или нет,
мне нужно заниматься театром
или нет, ты понимаешь,
а ей нужно просто вылечить шею

Lisa's Words

can you imagine,
her neck is still sore,
and she goes to a fortune-teller,
who says to her: "Go
get an MRI fast,"
and she asks her:
am I talented or not,
I have to work in theater
or not, you know,
and she just needs to fix her neck

Слова Олега—2

а ты бы вот хотел признания какого
вот я считаю, должна быть одна книжка
ну хотя бы в гарвард юнивесити пресс,
чтобы она все легитимировала,
и премию там — ханны арендт,
которую в прошлый раз получил зигмант бауман,
чтобы уже больше не получать
это те знаки отличия, которые
наконец позволят мне вести себя
совершенно бескомпромиссно

Oleg's Words—2

but you would have liked a confession
well i think there should be a book
at the very least from harvard university press
so that it would legitimize everything
and a prize, say, in honor of hannah arendt
which was last received by zygmunt bauman
never to receive one again
these are the signs of distinction which
would finally allow me to behave
utterly without compromise

Слова Светы

иногда мы собираемся с друзьями
и вдруг кто-то предлагает немного выпить
и посмотреть такое типа синефильское кино
а потом кто-то из нас такой
говорит, что у него есть покурить,
и после этого начинает цитировать стихи одена
а потом еще кто-нибудь такой начинает раскатывать
дорожку
и ставит такую вот музыку ну типа постандеграунд
и тут наконец света говорит:
ну может хватит уже

и вот мне тоже иногда хочется сказать:
может хватит уже

Sveta's Words

sometimes we get together with our friends
and suddenly one suggests we get a little drunk
and watch some kind of arthouse film
and then another one of us
says that he has some grass,
and after this begins to cite the poems of auden
and then another one begins to cut a line
and puts on this music, you know, the postunderground
type
and at that point sveta finally says:
don't you think that's enough

and I too sometimes want to say
don't you think that's enough

[CC]

СТИХИ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

2016–2017

POEMS ON THE HISTORY OF LITERATURE

2016–2017

Московская кольцевая композиция

В московском метро появились
антиситуационистские плакаты:
мэрия позаботилась,
чтобы вы больше не сворачивали
с пути от работы до дома,
не тратили время попусту,
не удлиняли себе жизнь,
чтобы граждане
не задерживались,
не загромождали,
не препятствовали.
Как видно на схеме №1,
пути в центр отрезаны,
вам не о чем больше жалеть.

Пять лет спустя после митингов
против кражи голосов на выборах
по московскому метро бродят немые,
раздают патриотическую атрибутику,
рассчитывая заработать
на оставшихся общих чувствах.
Но сказать им нечего,
сказать им нечем,
нет желания,
равно как и обязательства говорить.

Moscow Circle Line Composition

One day anti-Situationist posters
appeared in the Moscow Metro:
the municipal authorities had cared enough to say
that you should no longer take that turn
off the road home from work,
no longer fritter away your time on nothing,
no longer prolong your own life,
that the citizenry should not loiter,
should not clog up the tunnels,
should not get in the way.
As you can see from the Line One map,
travel to the center is cut off:
at long last, we are free of regret.

Five years after the marches
to protest the stolen votes,
silent people are wandering through the Moscow Metro,
hawking the artifacts of patriotism,
counting for their livelihoods on
what lingers of a shared feeling.
But they have nothing to express,
nothing with which to express,
no desire to express,
together with the obligation to express.

[ID]

Все это («Итальянские картины»)

и флаги нижнего белья,
и незнание языка, множащее цифры,

и слово «свобода», ограничивающее
свободный доступ к сети вайфай,

и шум вентилятора в комнате, где спит не учашая
роль актриса,
что похож на стрекот киноаппарата,

и сицилийцы деловито оставляющие сигарету во рту
во время принятия душа и рытья в помойке,

и нередуцируемый опыт отчаяния и оголенности,
даруемый низкобюджетными путешествиями,

и страницы цицерона, разлетающиеся на барахолке,

и рагацци больше не ругаются,
и надо знать меру своим желатто,

и недиффереНцИрованная ненависть к советскому,
что выдает не только возраст, но и идеологическую
ригидность,

All This ("Italian Pictures")

and the pennants of underwear
and the unfamiliarity with language, which multiplies
numbers,

and the word "freedom," limiting
free access to the wi-fi network

and the fan noise in the room, where an actress who is not
studying her role sleeps,
is like the clatter of a film projector,

and the sicilians, busily chewing on cigarettes
while showering or digging through the trash,

and the irreducible experience of despair and exposure,
bestowed on you courtesy of low-budget travel

and the pages from cicero, flying over a flea market

and the ragazzi, they don't curse any more,
and one must know the limits of one's just desserts,

and the undifferentiated hatred toward all things soviet,
which betrays not only age, but ideological rigidity as well,

и пользователи гироскутеров с пластикой
привидений,
и звук чемодана на колесиках, идентичный цоконью
копыт.

and the people on gyro scooters, gliding by like lithe
ghosts
and the sound of suitcase wheels identical to the clopping
of horse hooves.

[AO]

*** (по просмотру Фере)

Антон Палыч крадет у жизни, ничего не меняет.
Антон Палыч не испытывает трудностей с материалом,
он едет на Сахалин, потому что об этом никто еще не
писал.
Он в целом аполитичен, но убежден,
что его «исследования» улучшат условия арестантов.
Он приходит записывать их истории
как снимать показания с датчиков.
Ему ставят стул, называют русским писателем,
из опасений более строгого наказания
приходится что-то рассказывать
из той недействительной более жизни.
Ему неприятно знать о шпицрутенах, вшах,
но он чувствует сколь свежий все это материал.

Русский писатель — это зонд, запускаемый в общество,
говорят, на некоторых стадиях еще помогает:
погрузите читателя в скуку, не тревожьте эстетикой,
и при должном уходе он быстро пойдет на каторгу.

*** (while watching Féret)

Anton Pavlovich borrows from life, changing nothing.
Anton Pavlovich has no problem with new material,
he goes to Sakhalin because no one has written about it.
He is completely apolitical, but still convinced that
his “research” will improve the lives of prisoners.
He shows up and writes down their stories as though
taking readings from a meter.
He is brought a chair, declared a Russian Writer.
The fear of some harsher punishment
impels them to share narratives
of the lives they once knew.
He would rather not know about the gauntlets, the lice,
but it all makes for such fresh material.

The Russian writer is a probe launched into society,
they say, and sometimes he still serves a purpose:
plunge your readers into boredom, don’t berate them with
aesthetics,
and with due care they’ll soon be marching off to jail.

[ID]

*** (**из цикла «Берия как Обэриу»**)

нам приходится констатировать
что произошла
очередная вылазка очередных литературных
    хулиганов

с целью установить заумную диктатуру в поэзии
(прямо как в эти ваши лихие 90е)

просьбы студенческой рабочей а значит и
    бдительной молодежи игнорировали

все время пытались быть подальше от политики (как
    сказал поэт)
от этой по-настящему скучной стихии

стремились забыться в самовлюбленном наслаждении
в своем диком поэтическом озорстве

оказываясь порой в полнейшей творческой
    прострации
но делая это горячо и искренне

принимая пародию за новаторство
и обрекая себя на бесплодие
на длительный творческий паралич

*** (**fom the series “Beria as Oberiu”**)

let it be stated for the record
that yet another offensive has been carried out
by yet another group of literary troublemakers

with the goal of establishing
a zaum dictatorship in poetry
(just as in the wild nineties)

in defiance of requests from
the youth—students and workers, presumably vigilant—

all the time keeping their distance from politics
(as one poet has said)—that truly boring element,

striving to lose themselves in
the self-embracing joy of
their wild poetic folly

and at times finding themselves
in total creative prostration—
but doing it ardently, honestly,

mistaking parody for innovation
and condemning themselves to infertility,
to ongoing creative paralysis

их последними словами были:
наше заумное жонглерство
наша бессмысленная поэзия
наш уход от жизни

это искусство чуждых людей
поэзия классового врага

так говорю вам я
лидия лесная
в благословенном 27 году

their last words:
our zaum acrobatics
our meaningless poetry
our departure from life

this is the art of the hostile element
the poetry of the class enemy

so I say to you
lidia lesnaya
in this blessed year 1927

[ID]

*** (**вы ездили на картошку**)

вы ездили на картошку
вместе с иосифом бродским,
вы помните количество мест в автобусе
и поименно тех, кто их занимал.
вы учились с генисаретским,
дружны были с меламидом,
кабаковину прославляли

а мы ничего из себя не представляем,
мы ни в чем таком не участвовали,
но обо всем таком знали
и подробно читали,
ведь к несчастью у нас был интернет

а если мы где-нибудь и бывали,
то должны сначала были распечатать пресскарту хж
(в который в принципе мы и писали,
но это все равно казалось нам не по праву)
о, как воспеть мне пресскарты хж!
сколько дверей вы открыли,
плата за вход в которые
уступила бы бутылке сухого

так вот мы не ездили на картошку —
на ужасную несвободную советскую картошку,
мы ездили на правозащитные семинары
(примерно туда же в пригород ленинграда),

*** (**you rode out to work a potato farm**)

you rode out to work a potato farm
side by side with joseph brodsky,
you can still remember every seat on the bus
and everyone's name and who sat where,
you studied with genisaretsky,
made friends with melamid,
sang the praises of kabakovism

us, on the other hand? we're worth nothing
and have achieved basically nothing,
though we know all about you of course
and have read every last detail
now that the internet, unfortunately, exists

if we ever were going somewhere
we'd have to forge a moscow art magazine press pass
(and, I mean, we did write for them,
but it still felt transgressive, somehow)
oh, how can I sing of thee, my fake moscow art magazine
press pass!
how many doors did you open for me
where just the price of admission would
have covered a couple drinks at least

but so we did not go to the potato farm,
the terrible freedomless soviet potato farm,
instead we went to human rights seminars

ездили на конференции студенческого протеста,
чтобы оказаться в киеве и в париже,
говорили о гендерной дисциплине
и блюли солидарность у роботов

в общем нам тоже пришлось пережить немало,
чтобы выбиться в люди
да выставиться хотя бы в «люде»,
вот только рассказывать мы об этом не будем

in basically those same fields, outside leningrad,
attended conferences on student protest
for an excuse to be in kyiv, or in paris,
we talked gender studies
and guarded the worker solidarity of robots

but really we went through an awful lot too
to get out there and become someone
or just get our work shown at the “luda”
it’s just that we don’t find ourselves with
so very much to say about it

[ID]

Обратный отсчет

мы говорим о революционном настрое
нас трое
«Третья — Мещанская»

он говорит о бактериях,
об акторах, как следствие,
материя находится под следствием

он приезжает зимой в этот город,
повторяя Беньямина, теперь и биографически.
в метро объясняют как правильно ложиться на
рельсы

он смотрит спектакль «Хочу Ребенка!»
в этот момент он не слышит плач ребенка
и даже телефон находится в виброрежиме

она включает диктофон и просит не говорить
ни о чем без нее, техника
действует на свое усмотрение,
происходит кража речи

он исповедуется ей в том, что ничего
не происходит, что все может произойти.
нестабильные показатели
дискурсивно-эротического влечения

Countdown

there we are talking about the revolutionary spirit
three of us
“Bed and Sofa”

he’s talking about bacteria,
about actors as a consequence
matter falls under investigation

he comes to this city in winter,
repeating Benjamin, now even biographically.
the correct method of lying across the metro the tracks is
explained

he’s watching a production of “I Want a Baby!”
in that moment he doesn’t hear his baby crying
and even his phone is set on vibrate.

she switches on a dictophone and asks
that no one say anything without her, equipment
acts on its own discretion,
there is a theft of speech

he confesses to her that there’s
nothing happening and that therefore
everything might happen.
unstable indicators
of discursive-erotic attraction

он приезжает в знакомый до
город революций и конференций.
еще не представляет, чем слово отзовется
в биографическом роуминге, да при неподкюченных
опциях

he goes to the familiar as
a city of revolutions and conferences.
he hasn't yet imagined what the word will be ringing out
as in the biographical roaming, and with out-of-net-
work options

[ID]

Большие данные русской литературы

*

лонгрид
истории
короткого
XX века

время
собирать
лайки
и время
разбрасывать

big data of russian literature

*

a longread
of the history
of the short
20th century

a time to
gather
likes and
a time to
scatter
them

**

маленького человека
в русской литературе
долго никуда не пускали
потом начался некоторый
дыр бУл щыл
потом был
литературный быт
советской эпохи
и большие данные
в зарубежных архивах
потому кажется
всем стало похуй

**

the little men
of Russian literature
were long allowed
no release
then one day
dyr bul schyl
and then
the literary everyday
of the soviet period
and big data
in foreign archives
and then
no one gave
a fuck anymore

***

нам не нужна
улучшенная и дополненная реальность
нам нужно
улучшенное
и дополненное
издание

***

we don't need
augmented and improved reality
what we need
is an updated
and expanded
edition

[ID]

РУССКИЙ ПРЕКАРИЙ НА RENDEZ-VOUS: О ПОЭЗИИ ПАВЛА АРСЕНЬЕВА

1.

Вначале слово было у немногих,
и поэтому речь шла о них же.

Когда безъязыкие заговорили,
придрались к их запаху изо рта.

Начало 2010-х годов, оставшееся в коллективной памяти волной протестных акций, стало точкой отсчета принципиально нового состояния российского общества, в котором ясно

обозначается социальная группа, для которой сегодняшние вызовы и сегодняшние враги больше не заслоняются обветшавшими декорациями заезженного спектакля, представляющего рабоче-крестьянских людоедов с партбилетами, насилующих, а затем пожирающих нежных интеллигентных девушек и аккуратно причесанных интеллигентных же детишек.

Поэзия, вообще-то говоря, вполне репрезентативный материал для социального анализа: ретромодернизм 1970-х отчетливо засвидетельствовал общественный запрос на реставрацию социального неравенства и эксплуатации, а также на клерикальный обскурантизм (осуществленные в 1990-е, правда совсем иными социальными группами), концептуализм 1980-х сигнализировал о потере актуальности старой антропоцентричной парадигмы — и переформатирование социальными сетями человеческих взаимоотношений в 2000-е подтвердило этот прогноз; наконец трансформация поэзии из общественно значимой институции в хипстерское хобби в 1990-е на двадцать лет предвосхитила кричащие классовые мутации сегодняшнего дня, породившие неизвестные ранее хабитусы.

Но всё выше сказанное только предыстория той социальной ситуации, с которой я начал. Для ее описания лучше всего подойдет поэтический в своей эмоциональности (что глубоко прочувствовал Сергей Прокофьев, положив его на музыку) пассаж Ленина из «Что делать?»: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и тесному пути, крепко взявшись за руки. Мы окру-

жены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем». Но кто же эти люди? Кому они противостоят? И какую роль они играют, когда речь заходит о поэзии?

Разговор о поэзии невозможен не только без разговора о мировоззрении, но и без разговора о конкретных изобретениях поэтической техники, и самыми яркими, самыми значимыми, самыми характерными в этой тенденции мне видятся стихи Павла Арсеньева.

Продолжать все еще называть что-то поэзией
(уже что-то совершенно невразумительное),
зачем-то продолжать борьбу за само это имя.
Кроме названия ничего поди и не сохранилось.

2.

Поэты делятся на тех,
что пишут,
потому что
у них в сердце
отверстие,
тех, кто
что-то такое читал
и решил поделиться,
тех, кто занимается филигранной и бессмысленной
выделкой орнамента
или созданием шифрованных
сообщений о том,

о чем просто так
им было бы стыдно поведать

Павла Арсеньева знают прежде всего как культурного активиста и основателя журнала «Транслит», издаваемого в Петербурге уже более 10 лет. Именно в этой роли он был удостоен Премии Андрея Белого, основанной еще в подполье советских времен и, как ни странно, оставшейся независимой и сегодня. За эти же годы у Арсеньева вышли две поэтические книги и масса публикаций в журналах и антологиях. Тем не менее, Арсеньев последовательно делал всё от него зависящее, чтобы дистанцироваться от роли «поэта», которому сложившаяся в советское время традиция строго предписывала соблюдать правила псевдобуржуазной интеллигентской фанаберии. Принадлежность *к привилегированному миру так называемого творчества* стала с появлением фейсбука еще более косной и конформистской, исключив необходимость реагировать на (проблематизированные этим отказом) социально-политические условия поэзии.

За отказом Арсеньева следовать правилам поэтического приличия стоят большое прошлое и злободневное настоящее. Классическая русская поэзия – не только помещичьи восторги по поводу собственных латифундий или по поводу эротической притягательности дочерей владельцев соседних латифундий (на мелованной бумаге с золотым обрезом) и не только экстатические эскапады буржуазных отпрысков по

поводу появления новых форм изощренных наслаждений (с эпатирующими непосвященных декадентскими гравюрами), но это также и песни крестьянских войн, и стихи, созданные в студенческих каморках и читанные на собраниях народнических кружков, а также написанные в штольнях Забайкальской каторги, в казематах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, сложенные умирающими от туберкулеза в столыпинских застенках. Это стихи казненных, погибших в заключении, иногда авторские, иногда анонимные, часто скомпонованные из разных источников и ставшие «народными».

Злободневное — же в возвращении к большой проблематике, в реполитизации, в реабилитации левых, а не левацких ценностей, то есть в том, что было характерно для Золотого (от декабристов до народников), а также Революционного (от Пролеткульта до комсомольцев) веков русской поэзии, и от чего шарахнулся равно боготворимый сегодня государственной и либеральной пропагандами век Серебряный и наследовавшая ему позднесоветская неофициальная поэзия. Наконец, в принятии актуальных, а не давно миновавших, и общих, а не частных вызовов, на которые оказался столь богат постсоветский капитализм.

Павел Арсеньев в своем поколении занимает центральное место среди поэтов интересующей нас направленности: он старше Эдуарда Лукоянова, Галины Рымбу, Никиты Сунгатова, и младше Романа Осминкина, Антона Очирова (среди предшественников, поэтов

предыдущей генерации, нельзя не вспомнить Валерия Нугатова и Кирилла Медведева). Но это центральное место определено не только возрастом: он поразительно целостен, то есть у него нет текстов, которые можно было бы приписать поэтическим оппонентом — от адептов «новой искренности» и «нового эпоса» до разного извода и разной степени сложности последователей Language poetry, и в то же время он нигде не соблазняется пренебречь ремеслом и не примеривает на себя, как кое-кто из товарищей, костюма рок-звезды или майки рэпера, готового *торговать своей просроченной молодостью*.

язык отчужден грамматикой,
а возможность быть «просто хорошим поэтом» —
предыдущими поколениями,
действовавшими на автомате.

3.

Больше не будет красочных пожаров
из книг на площадях.
Просто изредка на экранах отдельных пользователей
будет появляться ошибка # 404
(примерно следующего содержания):

Страница, которую вы читаете, не существует.

Разговор о поэзии Арсеньева как разговор обо всяком общественно значимом и общественно значимые проблемы поднимающем искусстве беспочвен без ее локализации на культурной и технологической карте. И тут важно осознать, что обезвреживание посткапитализмом прежде эффективных инструментов в сущности уничтожило понятие карты как таковой: Google map невозможно расстелить на большом письменном столе и вдумчиво изучить соотношение между собой детально изображаемых на ней объектов. Можно лишь потыкать пальцем в светящийся экран. С подобным инструментарием не спланировать и не провести успешную наступательную операцию, а без этого *литература больше не способна создавать вокруг себя сообщество*. Уточню: «боевое сообщество».

Действительно, социальное бытование поэзии, которое так занимает нашего автора, представляет собой сегодня малоутешительное зрелище: ее экономика в руинах, демпинг фейсбучных публикаций обессмыслил литературное производство и деклассировал его участников. Но то, что для другого автора было бы, пусть горькой, но репликой походя, для Арсеньева сделалось одной из центральных тем, третируемой во многих текстах, анализирующих не только политическое, но и технологическое положение современного интеллектуального труда. Собственно говоря, здесь и располагается главное его художественное открытие: современный русский прекарий, его центральный

персонаж, предстает как продукт антропологического распада и новейших форм интернет-конформизма.

Любой разговор о левом невозможен без воспоминания о боевой ленинской брошюре 1920 года. Вирусы мутируют, акценты переставляются: «детская болезнь», сто лет назад понимавшаяся в прямом смысле, как инфекционная болезнь детей, сегодня должна пониматься в смысле переносном, как болезнь взрослых, как род бактериологического оружия, лишающая всякой революционной силы. Только подлинно марксистский анализ (а он — стержень поэзии Арсеньева), отказ одновременно и от глубокомысленности интеллектуальных парвеню и легкомысленности «офисной поэзии» кидалтов может сохранить надежные свидетельства о нашем десятилетии. В агрессивно навязываемом сценарии конца истории это уже очень и очень много.

Только совестью пахнет еще немного
В этом мире тапок,
сантехники
и обоев.

Сергей Завьялов